

КАМЕННЫЙ ВЕК

Питулько В. В., Павлова Е. Ю.,
Никольский П. А., Иванова В. В.

Памяти Теда Карпентера

Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики

Резюме. Янская стоянка была открыта в 2001 г. в низовьях р. Яны, примерно в 100 км по прямой от ее впадения в море Лаптевых, под 71° с. ш. Возраст памятника, судя по многочисленным радиоуглеродным датам, составляет 28 500–27 000 ¹⁴C л. н. Это древнейшее свидетельство проникновения человека в Арктику. Несмотря на то что памятник известен как «стоянка», фактически он является группой отдельных стоянок и геoarхеологических объектов, сосредоточенных на определенной площади. В эту группу входит, по крайней мере, шесть памятников, примерно одно-временных по возрасту. Древний уровень обитания захоронен в средней части тела второй террасы и перекрыт 7–8 м многолетнемерзлых отложений. Этот тип насыщенных льдом отложений известен как отложения ледового комплекса. Для работы в этих условиях была разработана специальная методика. За 10 лет работ на Янской стоянке сплошным раскопом исследовано около 1500 кв. м культурного слоя на участке Северный. Раскопки доставили огромное количество материала, включая каменные, костяные и бивневые орудия, утварь и изделия символического назначения (украшения, предметы искусства).

Pitulko V. V., Pavlova E. Yu., Nikolsky P. A., Ivanova V. V. Material culture and symbolic behavior of the Upper Paleolithic settlers of Arctic Siberia (with particular reference to the Yana site). Yana RHS site was discovered in 2001, in the low Yana River about 100 km of its junction to the Laptev Sea coast (under 71 N). Radiocarbon age of this site, by multiple dates, is found to be 28 500–27 500 ¹⁴C years BP. This is the oldest evidence of human habitation in the Arctic that pre-dates the LGM. It falls within a warm period at the end of Kargin interstadial (MIS 3). Although it is known as a 'site' it is, in fact, a group of separate archaeological sites and geological objects attached to this particular area. There are at least six archaeological sites which are roughly contemporary to each other (i.e., their age does not exceed the accuracy of radiocarbon dates). The occupation level locates within the middle portion of the second river terrace. It is covered by 7–8 m of frozen deposits that form the river bank. These ice rich matrix sediment is known as Ice Complex deposits. Then special excavation technique was developed. During the excavations more than 1500 sq. meters of the cultural layer had been excavated at Yana RHS Northern Area locality. For ten years of

Искусство Янской стоянки имеет глубокие корни, уходящие к общей культурной основе верхнего палеолита Евразии. Со времени открытия Мальты и Бурети ни в одном из памятников палеолита Сибири не была открыта столь богатая и разнообразная коллекция предметов искусства, которая имела бы столь широкие географические и хронологические аналогии, соединяющие разнообразные памятники раннего верхнего палеолита Евразии в единое целое и указывающие на возможность его общего происхождения.

Ключевые слова: верхний палеолит, искусство, символическое поведение, Арктика, Сибирь.

excavations the site yielded numerous stone, bone, and ivory objects, including personal ornaments and decorated pieces and other symbolic materials whose roots can be traced to the beginning of the Eurasian Upper Paleolithic. Since the time of discovery of Malta and Buret sites which was almost a century ago, none of Siberian sites produced that rich collection of art objects. Paleolithic Yana RHS site, the northernmost Paleolithic site in the world, provides an extraordinary collection of art objects and designs that link a number of geographically and chronologically distant Early Upper Paleolithic assemblages of Eurasia suggesting their common ancestry.

Keywords: Upper Paleolithic, art, symbolic behavior, Arctic, Siberia.

Введение

Когда говорят об искусстве палеолита Сибири, обычно подразумевают всемирно известные стоянки Мальта и Буреть, открытые соответственно в 1928 г. М. М. Герасимовым (Герасимов 1931) и в 1936 г. А. П. Окладниковым (Окладников 1940). Это были не первые свидетельства символической деятельности в сибирском палеолите, но, несомненно, наиболее значительные находки как в качественном (антропоморфная и зооморфная скульптура, орнаментированные изделия, подвески и бусы, гравированные изображения), так и в количественном отношении, составляющие не менее трети всех предметов искусства, найденных на палеолитических стоянках Сибири. Согласно последней по времени краткой сводке (Medvedev 1998), общее количество последних незначительно превышало 600 предметов. В хронологическом плане большинство предметов искусства принадлежит памятникам, существовавшим после последнего ледникового максимума, однако стоит отметить, что наиболее развитый и разнообразный мальтинско-буретский комплекс относится к началу сартанского криоихрона. К тому же времени (22 000–21 000 л. н.) относятся и памятники Русской равнины, характеризующиеся заметным расцветом творческой деятельности (Абрамова 1962; Abramova 1995).

За последнее десятилетие количество сибирских стоянок, в материалах которых представлены предметы неутилитарного назначения, несколько увеличилось. В основном это памятники, характеризующие ранний верхний палеолит, в том числе его начальные этапы. Древнейший в Сибири комплекс со следами проявления символической деятельности имеет возраст $43\,300 \pm 1800$ (GX-17596) — стоянка Кара-Бом, уровень 5. Самый богатый комплекс (31 не-утилитарный предмет) происходит из слоя 11 Денисовой Пещеры с возрастом $> 37\,235$ (Деревянко, Рыбин 2003). Подавляющее большинство сибирских находок, связанных с символической деятельностью человека раннего верхнего палеолита, известно из южной части Центральной Сибири и Забайкалья — стоянки Хотык, Каменка, Подзвонкая и др. (Лбова 2000; Деревянко, Рыбин 2003; Ташак 2009).

За пределами этой области до начала работ на Янской стоянке (Pitulko et al. 2004) такие находки были известны лишь из позднейших памятников верхнего палеолита — Ушки I, слой 6 и 7 на Камчатке (Диков 1977, 1979), из недатированного нижнего комплекса стоянки Хета в Верхнем Приколымье, предположительно имеющего финально-плейстоценовый возраст (Слободин 1999), и из Берелехского геoarхеологического комплекса в бассейне Нижней Индигирки (Питулько 2011; Pitulko 2011). Предположительно отсюда же происходит гравированное изображение мамонта (Abramova 1995). Результаты исследований Янской стоянки, расположенной в нижнем течении р. Яна на севере Яно-Индигирской низменности под 71° с. ш., существенно расширяют этот краткий список как в качественном, так и в количественном отношении, а также хронологически. Разнообразные предметы с неутилитарными функциями (бусы, подвески, украшения и другие изделия) рассматриваются в настоящей работе в комплексе с иными материалами стоянки, дающими представление о своеобразной культуре этого памятника.

Янская стоянка: основные черты геологии и возраст памятника

Группа памятников, известных как Янская стоянка, находится на левом берегу р. Яна приблизительно в 100 км по прямой от ее устья и в 30 км выше села Казачье, на ее левом берегу (рис. 1). Участок берега, к которому приурочена

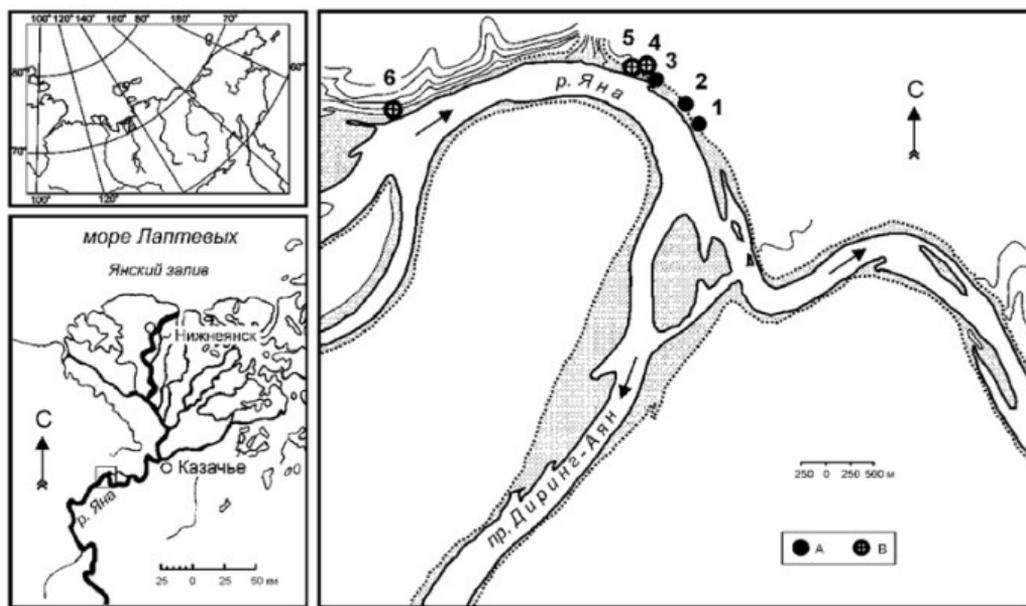

Рис. 1. Карта-схема расположения Янской археологической стоянки. Местоположение участков с археологическими находками: 1 — ТУМС; 2 — Северный; 3 — Яна В; 4 — Южный и янское кладбище мамонтов (УММ); 5 — АСН; 6 — Верхний. Условные обозначения: (А) участки с культурным слоем *in situ*; (В) пункты с перетолженным культурным материалом.

Fig. 1. Schematic map of the Yana site area. Localities with cultural material: 1 — TUMS; 2 — Northern area; 3 — Yana B; 4 — South point and Yana mass accumulation of mammoth (UMM); 5 — ASN point; 6 — Upstream point. Legend: (A) areas with *in situ* cultural deposits, (B) — localities with re-deposited cultural material.

стоянка, активно разрушается процессами термоэрозии и термоденудации, и в среднесрочной перспективе она может быть полностью утрачена.

Выявлено в общей сложности шесть участков (рис. 1), в пределах которых распространен археологический материал. Три из них (участки ТУМС, Северный и Яна В) имеют культурные слои различной степени сохранности и соответствующие им шлейфы подъемного материала на бечевнике и склонах второй террасы левого берега р. Яны. Наиболее изучены культурные отложения, открытые на участке Северном (основной раскоп). По естественным береговым обнажениям и расчисткам на участке от пункта ТУМС до скопления Южного прослежен уровень поверхности обитания. В перерывах между стоянками он имеет незначительные вариации по высоте положения в разрезе и охарактеризован фаунистическими остатками и единичными осколками камня.

Вблизи скопления Южного культурный материал *in situ* обнаружить не удалось, однако еще в 2002 г. в нижней части разреза, обычно недоступной для изучения, было отмечено скопление костных остатков мамонтов. Летом 2008 г. здесь, в результате предпринятых местными жителями действий по добыче бивней мамонта размывом берега, был открыт костеносный горизонт, содержащий, наряду с многочисленными костями мамонтов, каменные и костяные артефакты. Вскрытая в ходе добычи бивней костеносная линза (янское «кладбище мамонтов», или УММ) была изучена, а полученные данные введены в научный оборот (Basilyan et al. 2011). Скорее всего, с постепенным размывом «кладбища» рекой связано формирование шлейфа подъемного материала, зафиксированного нами ранее как скопление Южное. Пункт АСН содержал незначительное количество находок, поступивших из пачки отложений, формировавшихся после 17 000 л. н., в которую они оказались включены в результате перебива какого-то участка культурного слоя или, что вероятнее, материала кровли костеносной линзы УММ.

Пункт Верхний, расположенный в начале обнажения третьей террасы, также характеризуется исключительно подъемными сборами. Материал, собранный на бечевнике, заметно окатан и представлен крупными, грубооббитыми артефактами и массивными сколами, размерный класс которых соответствует отлагающимся в ходе речной сортировки на данном участке обломкам — крупная галька, мелкие валуны. Его источник пока не выявлен и обоснованное предположение о возрасте находок выдвинуть невозможно.

Разрезы всех уровней комплекса низких террас, изученных в районе Янской стоянки, представлены многолетнемерзлыми породами с высокой льдистостью и содержат повторножильные льды (ПЖЛ), что определяет особенности строения самих разрезов, условия нахождения артефактов и стратегию работ на памятнике (Питулько 2008а). Все террасовые уровни выражены на этом отрезке долины фрагментарно. Выделяются следующие высотные уровни: III н/п терраса — 45–40 м, II н/п терраса — 18–16 м, I н/п терраса — 12–10 м (рис. 2).

Отложения, слагающие II н/п террасу, характеризуются преимущественно аллювиальным генезисом и сингенетическим промерзанием. Это достаточно монотонная, хорошо расшлифованная толща, сложенная песчаными, глинисто-песчаными и песчано-глинистыми алевритами с закономерно убывающей вверх по разрезу размерностью зерен и опесчаненностью. Ее накопление началось после 40 000 л. н. В разрезе II н/п террасы (рис. 3) присутствуют ПЖЛ

Рис. 2. Ландшафт в окрестности Янской стоянки, общий вид с воздуха с восточного направления. Условные обозначения: 1 — Янская стоянка; T1+ — первая н/п терраса с участками высокой и низкой поймы перед ней; T2 — поверхность второй н/п террасы; T3 — обнажение третьей н/п террасы.

Fig. 2. Landforms in the vicinity of Yana RHS, aerial view from the East. Legend: 1 — Yana site area; T1+ — terrace One with flood plain terrace in front of it; T2 — terrace Two surface; T3 — terrace Three exposure.

трех генераций. Ледяные жилы основной генерации пробивают всю толщу отложений террасы и уходят ниже уровня реки. В нижней части их ширина составляет 1,5 м, увеличиваясь вверх по разрезу до 3–5 м. Сверху прослеживаются ледяные жилы второй генерации, идущие до 6 м над урезом реки (ширина 0,3–0,4 м), и современные в верхней части разреза (рис. 3).

В разрезе отмечено три возможных уровня почвообразования, свидетельствующих о стабилизации поверхности на более или менее продолжительный срок. Нижний из них соответствует уровню залегания культурного слоя стоянки (рис. 3). Разрезы террасы охарактеризованы ^{14}C определениями возраста, последовательность и значения которых говорят об относительно ровном темпе седиментации (видимо, несколько более быстром на ранних этапах), а также отсутствии явных значительных перерывов. Датировка $18\ 100 \pm 340$ (ЛЕ-6445) из разреза ТУМС1 является инверсионной (несинхронной осадконакоплению). Верхний метр разреза террасы представлен отложениями голоценового покровного комплекса. По разрезам второй террасы в районе стоянки получены материалы, позволяющие оценить природные условия, соответствующие времени обитания человека на Янской стоянке (Питулько и др. 2007, 2012в). Общий облик материала и ^{14}C определения возраста для слоев, изученных в раскопах

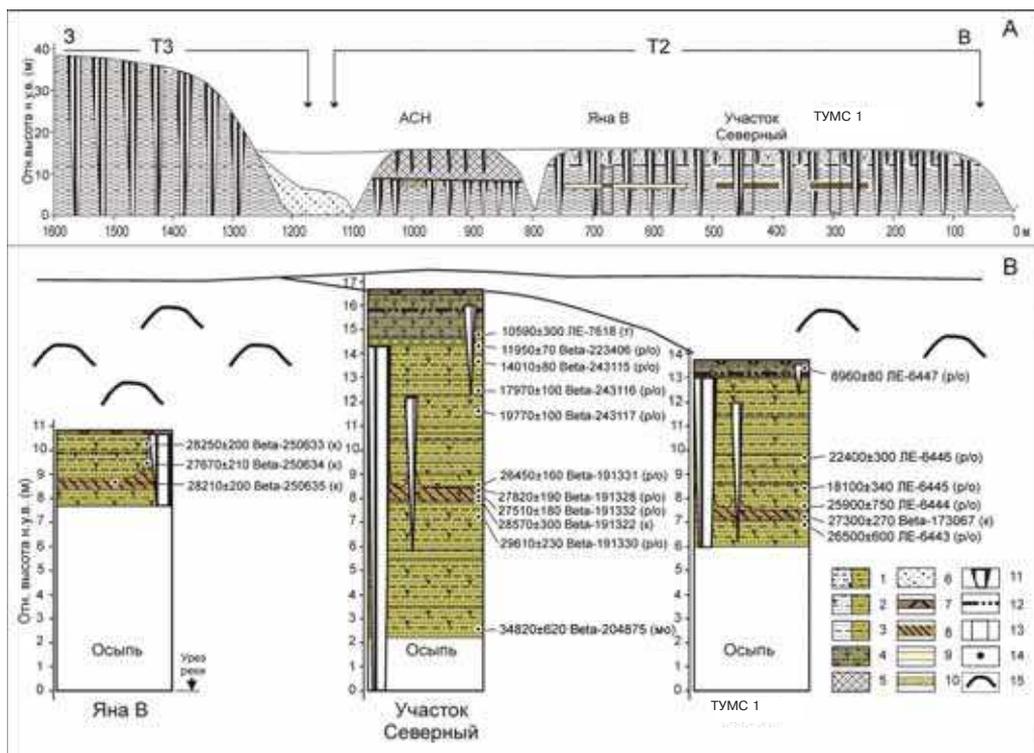

Рис. 3. Схематический геолого-геоморфологический разрез Янской стоянки (А) и литостратиграфия участков с культурным слоем *in situ* (В). Условные обозначения: аллювиальные отложения: 1 — глинисто-песчаный и песчаный алеврит; 2 — глинисто-песчаный алеврит; 3 — алеврит песчано-глинистый; 4 — толща переслаивания глинистого и песчано-глинистого алеврита с прослоями и линзами торфа; 5 — толща переслаивания супесей, суглинков и прослоев с органикой; 6 — современные склоновые и пролювиально-аллювиальные отложения; 7 — почвенно-растительный слой; 8 — установленное положение культурного слоя *in situ*; 9 — предполагаемое положение культурного слоя *in situ*; 10 — участки с перетолженным материалом; 11 — повторно-жильный лед; 12 — граница сезонно-талого слоя; 13 — местоположение стратиграфических разрезов; 14 — местоположение образца, датированного по ^{14}C ; 15 — байджарахи (схематично).

Fig. 3. Schematic profile of the Yana RHS main area (A) and lithostratigraphy of *in situ* cultural deposits (B). Legend: 1 — clayey sandy silt and sandy silt; 2 — clayey sandy silt; 3 — sandy clayey silt; 4 — interbedding of clayey silt and sandy clayey silt with peat beds and lenses; 5 — interbedding of sandy loam, loamy sand and silty loam with rich organic interbeds; 6 — modern slope and proluvium-alluvium deposits; 7 — active horizon; 8 — observed position of *in situ* cultural deposits; 9 — possible position of cultural deposits; 10 — areas with re-deposited cultural material; 11 — ice wedges; 12 — bottom line of seasonally melted deposits; 13 — position of the profiles; 14 — position of ^{14}C samples within the profile; 15 — cone-shape land forms resulted from partial melting of the upper part of the ice wedges (*байджарахи*).

и расчистках, дают основания думать, что выявленные участки представляют собой отдельные стоянки, отмечающие близкие по времени эпизоды заселения, суммарная длительность которых укладывается в пределах стандартной ошибки ^{14}C метода определения возраста. Каждая из них, скорее всего, возникла в результате нескольких циклов обитания, однако ни стратиграфически, ни на основании статистики ^{14}C дат они в данный момент не расчленимы.

Возраст культурного слоя определяется в интервале 28 500–27 000 л. н. серийными ^{14}C датами, полученными по фаунистическим остаткам, очажным массам, растительным макроостаткам, органической составляющей вмещающих отложений и прямым датированием органических артефактов. Все вместе они служат надежным обоснованием хронологической позиции этого древнейшего в пределах Северо-Восточной Азии материала. Возрастные определения образцов из культурного слоя дополнительно контролируются датами подстилающих и перекрывающих отложений (Pitulko et al. 2004; Питулько, Павлова 2010). Взаимоотношение дат, полученных по различным материалам, представляется весьма показательным. На его основании можно сделать вывод о том, что наиболее достоверным способом определения возраста для любых позднеплейстоценовых объектов, возраст которых измерим с помощью ^{14}C , является получение рядов датировок по костным материалам. Коллаген обожженных костей дает при этом омоложенные датировки. Даты по растительным макроостаткам дают, очевидно, средневзвешенное значение возраста в районе ~28 500–27 000 л. н. Парное датирование AMS ^{14}C методом по растительным макроостаткам и гуминовым кислотам вмещающих отложений показывает устойчивое расхождение на уровне примерно 2000 лет с удревнением в сторону дат, полученных по гуминовым кислотам (Питулько, Павлова 2007, 2010).

Складывается впечатление, что на стоянке, возможно, имели место два основных цикла обитания, один из которых тяготеет к нижнему (~28 500 л. н.), а второй к верхнему хронологическому пределу, а в период между ними она посещалась спорадически (Питулько, Павлова 2007). Данное наблюдение подкрепляется фактами перекрытия жилых площадок с очагами шлейфами фрагментированных и целых костей. Парное датирование фаунистических остатков из нижней и верхней части слоя (при его полной мощности в 15–20 см) также подтверждает данное наблюдение. Тем не менее, существенного хронологического разрыва между ними нет.

Необходимо отметить, что некоторые образцы дерева из культурного слоя Янской стоянки дали запредельные или очень древние конечные AMS ^{14}C даты: >47 000 (LE-7446), >45 200 (Beta-216802) и $44\ 010 \pm 1100$ (Beta-216803). Остатков дерева (щепок, волокон, небольших кусков) в культурном слое стоянки довольно много (Питулько 2010). Их появление связано, очевидно, с деятельностью человека, использовавшего в условиях безлесой местности ископаемое дерево (происходящее, например, из древнего старичного торфяника, подобного тем, которые известны в обнажении третьей террасы). Если бы это было единственное определение ^{14}C возраста стоянки (или группа из трех, как в данном случае), то на основании приведенных значений возраст стоянки мог бы быть неоправданно интерпретирован как почти вдвое более древний.

На основании ^{14}C определений возраста, типологии и морфологии предметов из раскопок и сборов материалы, полученные на Янской стоянке, можно рассматривать как единый комплекс. Он характеризует компактный эпизод обитания на северном фесе низкогорного обрамления современной Яно-Индигирской низменности, имевший место в конце каргинского времени (MIS 3), и отвечает липовско-новоселовскому потеплению по климатостратиграфической схеме Сибири (Кинд 1974; Питулько и др. 2007, 2012в).

Рис. 4. Раскопки Янской стоянки на участке Северном (2007 г.), вид с запада. Хорошо узнаваемая структура отложений: участки культурного слоя, перекрытого ~7 м мерзлых аллювиальных отложений, располагаются в пределах полигонов, образовавшихся в результате формирования сети ледяных жил, сингенетичных осадконакоплению.

Fig. 4. Excavations of the Yana RHS site, Northern Area (2007), viewed from the West. General structure of the deposits is well recognizable: the cultural layer remains within polygons formed by syngenetic polygonal ice wedges, it is covered by ~7 m of frozen alluvial sediments.

Раскопочные работы на Янской стоянке проводились преимущественно в пределах пункта Северный (рис. 1, 3), где к настоящему времени вскрыто около 1500 м² культурного слоя. Было установлено, что вследствие роста ПЖЛ основной генерации, сингенетичным отложениям второй террасы, культурный слой, некогда отложенный на древней дневной поверхности, оказался разорван на отдельные участки, разделенные жилами льда. Некогда сплошной, культурный слой ныне представляет собой группу площадок, отстоящих друг от друга на 3–5 м (рис. 4, 5).

Материал в пределах таких фрагментов слоя находится в полностью инситуном состоянии, за исключением положительного вертикального перемещения части находок в краевых зонах грунтовых столбов. Эффект деформации субгоризонтальных слоев в краевых областях мерзлотных полигонов синкриогенных толщ хорошо известен (см., например: Томирдиаро, Черненко 1987: 41, рис. 42). Вместе с тем, степень его воздействия на материал таких горизонтов оставалась неизвестной величиной. Наблюдения, сделанные в ходе раскопок Янской стоянки, показывают, что перенос материала по вертикали

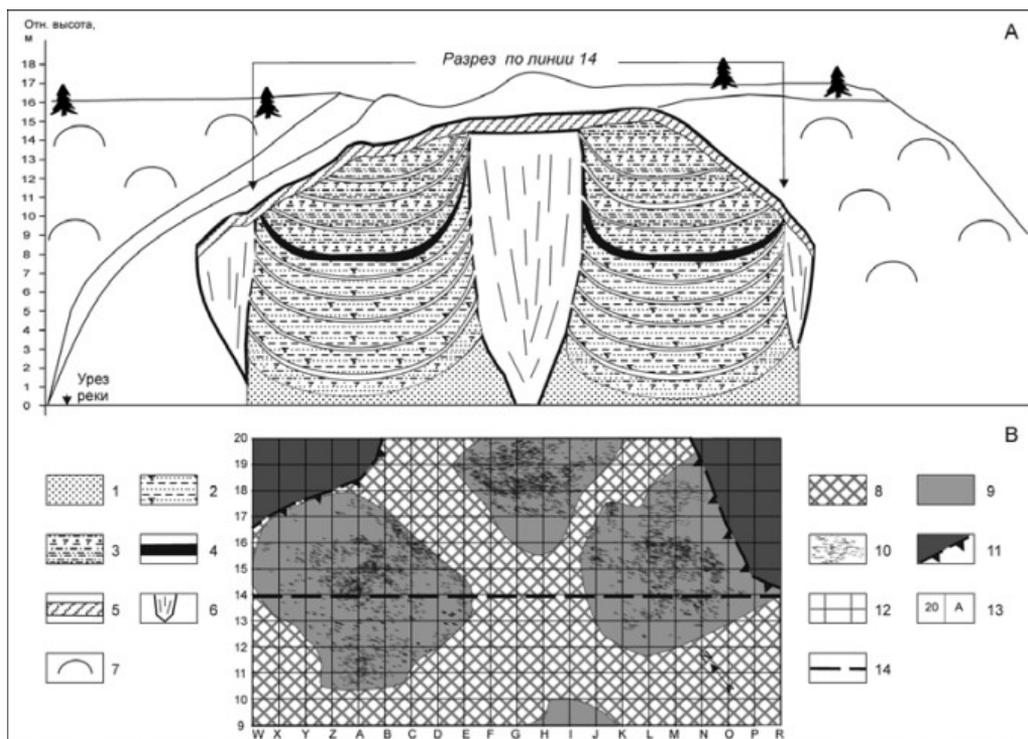

Рис. 5. Схематический стратиграфический разрез (А) и план (В) раскопа Северный Янской стоянки. Условные обозначения: для (В): 1 — тонкозернистый песок темно-серого цвета с отдельными частицами рассеянной органики, криогенная текстура — массивная; 2 — горизонтально-слоистый песчаный алеврит от темно-серого до буровато-серого цвета с тонкими корешками в прижизненном положении, криогенные текстуры преимущественно горизонтально-слоистые и горизонтально-сетчатые тонкошлировые с отдельными редкими шлирами льда толщиной 3–4 см; 3 — горизонтально-слоистый песчано-глинистый алеврит от коричнево-серого до серого цвета с тонкими прослоями растительного детрита, с редкими линзами торфа, с тонкими корешками в прижизненном положении, с криогенными текстурами микро- и тонкошлировые с отдельными шлирами льда мощностью 2,5–4 см; 4 — местоположение культурного слоя; 5 — покровный слой (алеварит опесчаненный палево-серого цвета с рассеянными растительными остатками, линзами и прослоями торфа, криогенная текстура слоисто-сетчатая; верхние 60–70 см — сезонно-талый слой); 6 — сингенетический повторно-жильный лед, грязный, с пузырьками воздуха, вертикально полосчатый, ширина жилы 2–5 м; 7 — байджарахи; 8 — полигонально-жильный лед; 9 — грунтовый столб; 10 — материал культурного слоя; 11 — бровка термоцирка; 12 — линии сетки квадратов с шагом 1 м; 13 — индексы линий сетки; 14 — линия 14, по которой показан схематический вертикальный стратиграфический профиль.

Fig. 5. Schematic stratigraphic profile (A) and excavation map (B) for the Northern area of Yana RHS excavations of 2003. Legend for B: 1 — fine-grained sand of dark grey color, with dispersed organic particles, with massive cryotexture; 2 — laminated sandy silt of dark grey to brownish grey color with thin plant roots in growing position, of horizontal laminated and horizontal laminate netted cryotexture with thin segregation ice stringers and rare 3–4 cm thick ice schlieren; 3 — laminated sandy silt of brown-grey to grey color (contains thin interbeds of plant detritus and rare peat lenses, thin plant roots in growing position), with cryotexture of micro and thin segregation ice stringers and rare 2,5–4 cm thick ice schlieren; 4 — position of cultural layer; 5 — cover stratum: pale-yellowish grey sandy silt (with dispersed plant remains, peat lenses and interbeds) of netted laminate cryotexture, top 60–70 cm of this stratum form seasonally melted horizon; 6 — dirty vertical banded syngenetic ice (width of the wedges measures to 2–5 m), with air bubbles; 7 — baidjara, or cone-shape land forms resulted from partial melting of the ice wedge top parts; 8 — syngenetic polygonal ice wedges; 9 — polygons; 10 — mapped archaeological material; 11 — border of the thermo cirque; 12 — excavation grid of 1×1 m; 13 — grid line indexes; 14 — schematic stratigraphy profile on grid line 14.

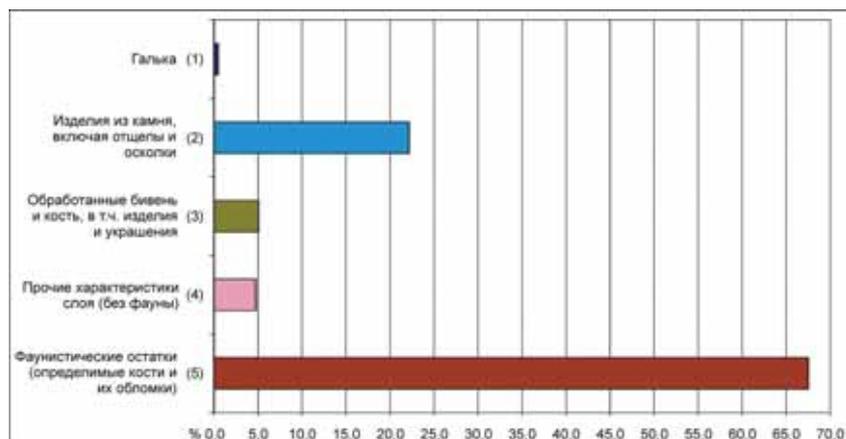

Рис. 6. Общее процентное соотношение находок из культурного слоя Янской стоянки (раскопки участка Северный, за 100 % принято общее число находок, включая фаунистические остатки). Условные обозначения: (1) — галька; (2) — изделия из камня, включая отщепы и осколки; (3) — обработанная кость и бивень мамонта, включая функциональные изделия и украшения; (4) — прочие материалы (не включая фаунистические остатки); (5) — фаунистические остатки.

Fig. 6. General composition of archaeological material from the excavations of Yana site (excavations of Northern Area, 100% equals to total number of mapped finds, including animal bone remains). Legend: (1) — pebbles; (2) — lithic artifacts including debitage; (3) — worked bone and mammoth ivory, including functional tools and personal ornaments; (4) — other cultural material, excluding faunal remains; (5) — faunal remains.

может быть весьма значительным. В нашем случае он достигает 5–6 м, благодаря чему единичные предметы могут быть вынесены вдоль края жилы к подошве комплекса покровных отложений, в который окажутся включены в результате термического преобразования кровли мерзлых пород. Таким образом, участки слоя, приуроченные к центральной области грунтовых столбов, полностью инситны и сохраняют изначальное положение и планиграфию. По периметру полигона они окаймлены зоной, в пределах которой материал испытал перемещение вверх по вертикали. Ее ширина обычно 1–1,5 м при полной площади полигона от 50 до 70–80 м² (Питулько и др. 2011).

Можно отметить, что планиграфически выявляются «рабочие площадки», связанные с производством каменных орудий и изделий из бивня и кости. Как интересный факт следует упомянуть, что приочажные пространства (в тех случаях, когда площадка не перекрыта шлейфом фаунистических остатков, принадлежащих другому циклу обитания), часто содержат малое количество находок. Это в основном единичные отщепы и изделия из камня или бивня, либо осколки костей и мелкие кости. Фаунистические остатки составляют существенную часть материалов из раскопок на участке Северном (Питулько 2010а). Их количество в разы превышает объем коллекции артефактов, однако последняя тоже довольно значительна и составляет около 10 000 единиц (рис. 6). Специфической характеристикой культурного слоя является присутствие большого количества обожженных камней и шлакоподобных образований.

Каменная индустрия Янской стоянки

Археологический материал Янской стоянки весьма интересен. Это выдержанная технологически и морфологически индустрия с выраженным галечным расщеплением. Видимой примеси чужеродных вещей нет даже в коллекциях из сборов подъемного материала, которые составляют около 5 % от общего количества артефактов Янской стоянки. Распределение материала по основным категориям инвентаря повторяет таковое для коллекций из инситуальных горизонтов, не считая почти полное отсутствие в подъемном материале изделий с максимальным линейным размером менее 3 см и изделий из кости.

В материалах Янской стоянки отчетливо различимы четыре основных контекста — производство многофункциональных орудий (скребел) для обработки охотничьей добычи и различных материалов, производство микроорудий для обработки бивня и кости, производство изделий из бивня и кости, производство краски (Pitulko et al. 2004; Питулько 2010а). Соответственно представлено и ограниченное число категорий инвентаря: ядрища и продукты расщепления, принадлежащие к первому и второму контекстам, и конечные формы; предметы из бивня, кости и рога (охотничье снаряжение, бытовые инструменты, предметы «неутилитарного назначения»); сырье для производства красителя, орудия и комочки готовой красной краски.

Сырьем для производства орудий в янской индустрии служили гальки кремненных пород (алевролитов), образующих наиболее заметную группу в петрографическом составе русловых галечников поблизости от стоянки. Они формируются в результате сноса из обширной области бассейна р. Яны, а также за счет переработки древних галечников, обнажающихся местами на урезе воды. В коллекции имеется заметное количество отщепов и сколов с галечной коркой и нерасщепленные гальки (рис. 6–9). Можно отметить, что чаще всего использовались гальки размером 10–15 см. Кремнеподобное сырье в коллекции представлено слабо и, возможно, является результатом транспортировки из какого-то другого источника. Заметную роль в производстве микроорудий играл горный хрусталь, но в общем составе коллекции его доля незначительна. Кристаллы горного хрусталя могли быть собраны из речных галечников, но, скорее всего, их источником служили склоны первых отрогов Куларского хребта в 15–20 км к югу от стоянки.

Характер каменной индустрии подчеркнута отщеповой (рис. 7). Отщепы составляют более 70 % коллекции каменного инвентаря, что нормально для любой индустрии, в которой доступ к сырью неограничен, а качество его разнообразно и в среднем не очень высоко. Имеются удлиненные сколы, однако ни их количество, ни оформление не позволяют говорить о намеренности получения таких заготовок в качестве серийных форм. Скорее можно предполагать стремление к получению жестким отбойником относительно коротких и широких заготовок с заметной массивностью. Пластины и пластинки (почти исключительно двухгранные, хотя есть и фрагменты сколов с негативами пластинчатых параллельных снятий) составляют 1,5 % изделий и практически никогда не используются в качестве заготовок, насколько об этом позволяет судить огранка дорсальных поверхностей готовых изделий.

Расщепление в ряде случаев можно определить как ситуационное (или бессистемное), но в целом индустрия основана на принципах радиального

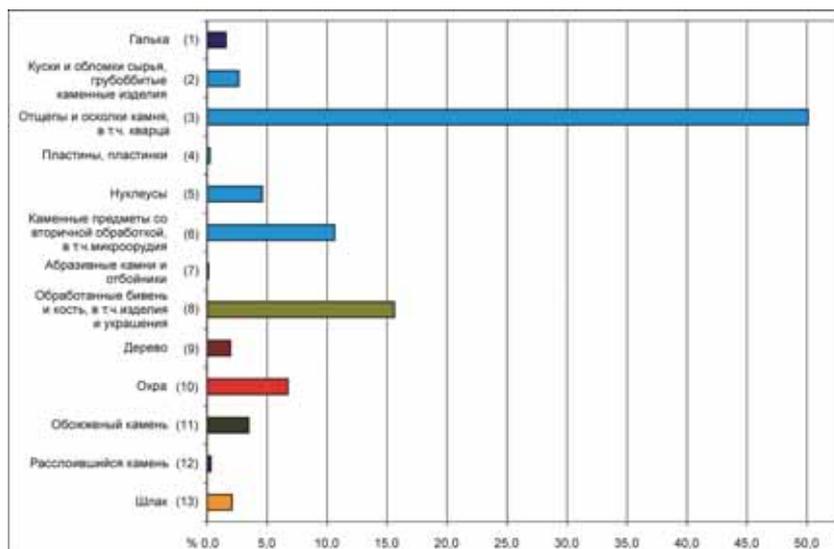

Рис. 7. Процентное соотношение находок из культурного слоя Янской стоянки без фаунистических остатков — собственно «культурная составляющая» (за 100 % принято число находок *in situ* без учета фаунистических остатков). Условные обозначения: (1)–(13) (см. рисунок).

Fig. 7. Percent diagram for the cultural material excavated from the Yana site (excavations of Northern Area, 100 % equals to total number of the artifacts excluding faunal remains). Legend: (1) — pebbles; (2) — rock debris, roughly flaked rocks, big size pieces of lithic raw material; (3) — lithic debitage, including quartz crystal; (4) — blades, bladelets, and laminar flakes; (5) — cores; (6) — retouched tools including micro tools; (7) — ground tools and hammer stones; (8) — worked bone/ivory, including functional tools and personal ornaments; (9) — wood; (10) — red ochre; (11) — burnt rocks; (12) — laminated rocks; (13) — slag-like substance.

и ортогонального расщепления (Питулько 2010а). Соответственно, ведущими формами являются ортогональные (часть из которых может быть классифицирована как чопперы и чоппинги) и дисковидные ядрища (моно- и бифронтальные), а также пирамидальные и бессистемные (рис. 8). Параллельное расщепление обитателям Янской стоянки было определено известно, однако использовалось значительно реже, преимущественно в торцовом варианте.

Характерной чертой янской индустрии является долечная техника, направленная на получение заготовок для обушковых скребел — одной из наиболее часто встречающихся в инвентаре Янской стоянки форм. Среди каменных изделий присутствует также заметное количество удлиненных галек с односторонним уплощением (ядрищ плоскостного расщепления?) и так называемых усеченных галек со сформированной ударной площадкой, скошенной по отношению к длинной оси исходной отдельности сырья (галки примерно одного размера и формы, с подчетыреугольным сечением).

Тщательный характер обработки площадки, выполненной, как правило, путем последовательного снятия нескольких формирующих сколов, встречающиеся на них ретуширование поверхности краевой зоны и высокие пропорции позволяют видеть в них заготовки ядрищ параллельного принципа скалывания, однако ни одно из изделий не имеет следов таких снятий. Впрочем, допустимо

Рис. 8. Первый компонент культурного контекста Янской стоянки (крупные орудия из камня и ядрища): 1, 4 — дисковидные ядрища; 5, 6 — мелкие округлые бифасы (истощенные дисковидные ядрища); 3, 7 — продольные скребла с естественным обушком, изготовленные на долечных отщепах; 2, 8 — комбинированные скребла на массивных сколах с частичной ретушью брюшковой поверхности; 9 — пикообразное орудие; (1)–(9) — из зеленовато-серого кремнистого материала (аргиллит).

Fig. 8. Yana, component One (large stone tools and cores): 1, 4 — discoid cores; 5, 6 — small rounded bifaces (exhausted discoid cores); 3, 7 — naturally backed side-scrapers made on citrus slice flakes; 2, 8 — combined side-scrapers on massive flakes, with partial ventral retouch; 9 — pick-like tool; (1)–(9) — are made of greenish grey siliceous rock (argillite).

предполагать, что в условиях неограниченного доступа к сырью изготавливались именно заготовки ядрищ, которые затем транспортировались куда-то, а нужды в их использовании на месте просто не было.

Несмотря на несомненное использование приемов двусторонней обработки, в целом индустрия Янской стоянки является унифасиальной. Среди ее формальных орудий абсолютно преобладающей является категория скребел (Питулько 2010а), в которой представлены как простые, так и многолезвийные разновидности (рис. 8, 9). Наиболее обычны простые однолезвийные обушковые скребла с прямым или слабовыпуклым лезвием. Часто они изготовлены на массивных долечных сколах и сохраняют на обушке естественную поверхность. Имеется также значительная группа скребел, обушки которых сформированы крутой или отвесной ретушью, а рабочий край ретуширован с брюшка на спинку. Эти крупные массивные орудия с асимметричным поперечным сечением составляют, пожалуй, наиболее характерную группу орудий янской индустрии.

Некоторое количество скребел (в основном многолезвийных) изготовлено на значительно менее массивных заготовках, часто округлой или овальной

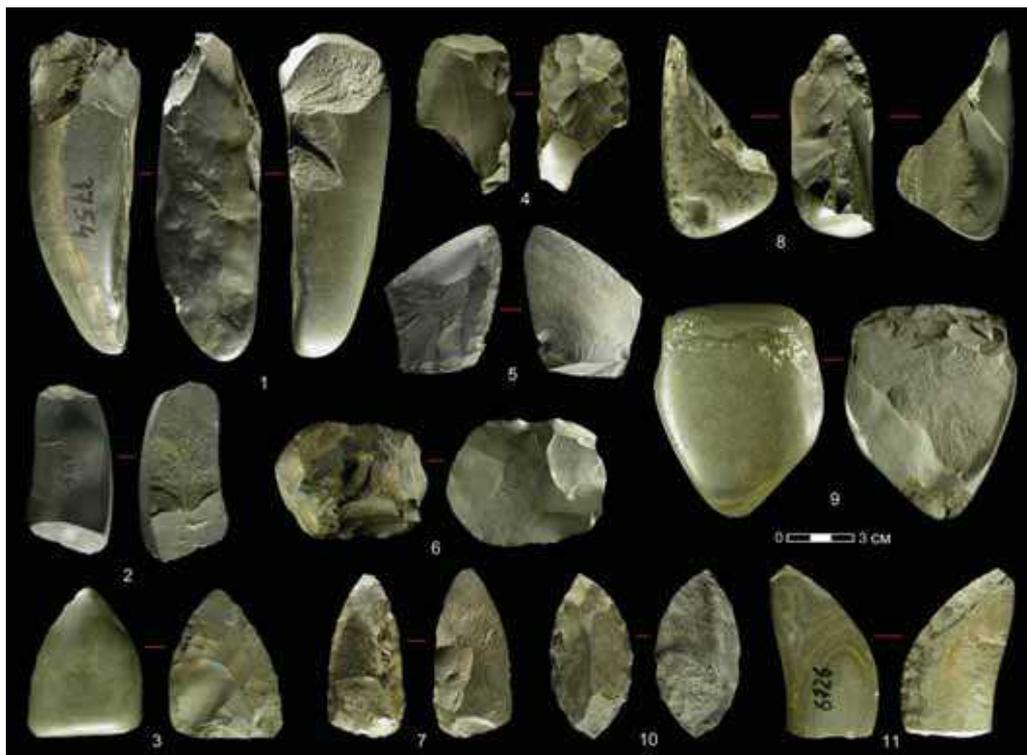

Рис. 9. Первый компонент культурного контекста Янской стоянки (крупные орудия из камня): 1 — долотовидное орудие; 2, 4 — скребки высокой формы; 3, 7 — конвергентные скребла; 5 — скребло *déjeté*; 6 — округлый бифас небольшого размера; 8 — массивное скребловидное орудие с диагональным рабочим краем; 9 — поперечное скребло; 10 — двухконечное плосковыпуклое острие (лимас); 11 — простое скребло с выпуклым рабочим краем; (1)–(11) — из зеленовато-серого кремнистого материала (аргиллит).

Fig. 9. Yana, component One (large stone tools): 1 — chisel-like tool; 2, 4 — carinated end-scrapers; 3, 7 — convergent scrapers; 5 — *déjeté* scraper; 6 — small rounded biface; 8 — massive tool with diagonal working edge; 9 — transverse scraper; 10 — limace; 11 — side scraper with a convex working edge; (1)–(11) — are made of greenish grey siliceous rock (argillite).

формы, с лезвиями, созданными в различных вариантах обработки — дорсальной, вентральной и противоположащей, а также двусторонней (рис. 8, 9). Характерной формой являются также угловатые и многолезвийные скребла с тщательно оформленным приострением, образованным стыком двух конвергентных лезвий, а также скребла с дугообразным лезвием (рис. 8: 8; 9: 3) и остроконечники. Единичными предметами представлены двухконечные односторонне-выпуклые острия (рис. 9: 10), а также скребки, комбинированные орудия, рубящие и крупные долотовидные орудия (рис. 9). В коллекции имеется три округлых в плане бифаса, однако, скорее всего, это остаточные дисковидные ядрища (рис. 8: 6; 9: 6). Для крупных орудий в целом можно отметить, что вклад операций вторичной обработки в их формообразование был минимальным. Чаще всего можно говорить

Рис. 11. Второй компонент культурного контекста Янской стоянки (микроорудия из камня): 1–6, 11 — тонкие узкие микроострия, изготовленные на «пластинках» с притупленной спинкой или отщепях; 7–9 — «треугольники», сформированные из отщепов притупляющей ретушью сходящихся краев; 8, 16 — мелкие скребки с поперечным расположением рабочего края; 10 — скребок с организацией лезвий в варианте, напоминающем *déjeté*; 12 — комбинированный скребок с организацией лезвий в варианте, напоминающем двойное *déjeté*; 13–15 — «пластинки» с притупленным краем; (1)–(9), (12)–(16) — зеленовато-серая кремнистая порода (аргиллит); (10), (11) — кремнеподобный материал хорошего качества.

Fig. 11. Yana, component Two (lithic micro-tools): 1–6, 11 — small narrow pointed tools made on backed 'bladelets' or flakes; 7–9 — 'triangles' shaped on flakes; 8, 16 — small transverse scrapers; 10 — small *déjeté*-type scraper; 12 — small double *déjeté*-type scraper; 13–15 — backed 'bladelets'; (1)–(9), (12)–(16) are of greenish grey siliceous rock (argillite); (10), (11) are of good quality chert.

Подобные острия подтреугольных очертаний известны и в других памятниках, в том числе и более близких Янской стоянке по времени — например, в материалах стоянки Каменка Б (Лбова 2000: 5), или Толбор-4 (Рыбин и др. 2007: 146, рис. 3: 5, 11, 21). Выразительный набор микроорудий на пластинах и пластинках известен также в несколько более поздней Мальте (Абрамова 1989; Sitlivy et al. 1997). В материалах стоянок Афонтовой Горы характерной чертой является наличие микроскребков и долотовидных орудий (Астахов 1999). Можно предположить, что во всех этих случаях комплексы микроорудий появляются

производства предметов из бивня и кости доказываются их планиграфией — они всегда присутствуют на участках, характеризующихся наличием осколков, щепок и стружки бивня, часто в сопровождении незавершенных предметов или их заготовок, находящихся в различной стадии обработки.

Весьма интересно в этой связи отметить, что серия похожих микроорудий была выявлена при раскопках западносибирской стоянки Шестаково (Деревянко и др. 2003), несколько более молодой. Они найдены в горизонтах 7 и 6. Возраст горизонта 7 определен серией ^{14}C датировок около 22 000–21 000 л. н., горизонта 6 — около 20 000 л. н. Стоянка приурочена к скоплению остатков мамонтовой фауны (прежде всего, собственно мамонтов) близ зверового солонца. Можно предположить, что комплекс микроорудий, функция которых не была определена (Деревянко и др. 2003: 78, 85–86, рис. 54), связан с обработкой бивня, а само посещение этой местности — со сбором ценного сырья, находившегося в поверхностном залегании в результате гибели больших животных.

в связи с осуществлением конкретной трудовой операции — обработки бивня и кости, производившейся на этих памятниках. По крайней мере, для части этих объектов можно утверждать, что изделия из бивня и кости представлены в них в значительном количестве. Следовательно, комплексы микроорудий являются технологически обусловленной, а не культурно значимой составляющей археологического материала тех или иных памятников (Питулько 2010а).

Костяная индустрия Янской стоянки.

Функциональные изделия из бивня мамонта и костей животных

Костяные орудия Янской стоянки весьма разнообразны. Интересны клиновидные изделия из расколотых вдоль длинных костей, с сильным износом рабочей части, назначение которых неясно (Питулько 2010а: рис. 16: 7, 8). Наиболее выразительны предметы, связанные с комплексом охотничьего вооружения (разнокалиберные острия и форешафты), а также изделия, функционально связанные с производством одежды, спальных пологов, эксплуатацией жилых построек. В качестве материала для их производства использовались преимущественно кость и бивень мамонта.

Среди изделий из бивня мамонта выделяются острия с уплощенными основаниями и стержни из бивня мамонта и рога носорога с уплощением обоих концов (рис. 12: 1, 5, 7). Изделия подобной морфологии и тех же размерных классов известны в памятниках культуры клонис на Американском континенте (Dunbar et al. 1989), где они обоснованно связываются с охотой на представителей мегафауны, прежде все-

го мамонта. Часто указывают на сверхэффективность этого приспособления (Bradley 1995). Овладение технологией охоты с форешафтом, как считается, быстро привело к перепромыслу и вымиранию в Новом Свете ряда представителей мегафауны конца плейстоцена.

Рис. 12. Третий компонент культурного контекста Янской стоянки (функциональные орудия, украшения, декорированные предметы из бивня мамонта и кости). Предметы охотничьего вооружения: 1, 5–7 — стержни с односторонне уплощенными концами — форешафты (*foreshafts*); 4, 10 — острия с односторонне уплощенной базальной частью (*sagaie*); 2, 3, 8, 9 — фрагменты острий; (1) — из рога шерстистого носорога; (2)–(10) — из бивня мамонта.

Fig. 12. Yana, component Three (tools, personal ornaments, decorated objects of bone and ivory). Hunting equipment: 1, 5–7 — beveled rods/*foreshafts*; 4, 10 — ivory points (*sagaie*) with unilaterally flattened base part; 2–3, 8–9 — fragments of points; (1) — woolly rhinoceros horn; (2)–(10) — mammoth ivory.

Так ли это, сказать трудно, но, скорее всего, человек не внес решающего вклада в исчезновение крупной фауны ни на Американском суперконтиненте, ни в Евразии. Тем не менее эта технология была, видимо, эффективной и существовала долго, вплоть до неолита, судя по находкам из ымыяхтахских могильников (Федосеева 1980, 1992), а впоследствии трансформировалась в эскимосский гарпунный комплекс (Питулько 2008–2009). Место и время ее изобретения в Сибири неизвестно, но идея такого метательного снаряда, предназначенного для того, чтобы нанести глубокое поражение и сберечь древко, несомненно, одна и та же и в эскимосской культуре, и в комплексах кловис, и на Яне 28 000 л. н. Подбор заготовки древка был, скорее всего, непростой задачей в условиях открытых пространств, и по этой причине им, очевидно, дорожили. Можно полагать, что создание замечательных образцов оружия наподобие сунгирских копий (Бадер 1998) или берелехского «асега» (Верещагин 1977) из бивня мамонта являлось вынужденным действием (Питулько 2008–2009). Средой обитания этих людей на протяжении тысяч лет были в прямом смысле открытые, безлесые ландшафты, не дающие возможностей для восполнения убыли предметов из дерева. Жители тундры повсеместно дорожат ими и используют их годами. Использование бивней нарвала в качестве материала, заменяющего дерево, и применение их для изготовления древков, описано у гренландских эскимосов (Малори 2002: 415, 738). Такое поведение, по-видимому, становилось обычной практикой в безлесых местностях, адаптивной реакцией на условия дефицита дерева.

Заостренные стержни (наконечники копий, в том числе, очевидно, метательных) в инвентаре Янской стоянки представлены исключительно широко. Имеются целые и фрагментированные предметы, очень много обломков представлено базальной частью со скошенным основанием. В отношении тех из них, размер и форма которых опознается уверенно, можно заключить, что они относятся к трем группам острий — мелкого (15–20 см), среднего (25–35 см) и крупного размера (до 50 см, возможно и более). Наиболее массивная часть поперечного сечения изменяется пропорционально линейному размеру орудий, достигая в крупных экземплярах примерно 2 см. Это игловидные острия со скошенным основанием (рис. 12), поверхность которых тщательно заполирована не столько из эстетических соображений, сколько для повышения боевых свойств предмета, его проникающей способности. Скошенные площадки основания оформлены поперечными насечками, обеспечивающими надежность скрепления с древком или форешафтом. Это простейший и, очевидно, наиболее массовый, универсальный тип был распространен необыкновенно широко, составляя основу комплексов вооружения охотников палеолита на протяжении огромного времени — от верхнего палеолита Европы (Smith 1966) и палеолита Сибири (Sitlivy et al. 1997: fig. 37: 1–3, fig. 61: 1) до предголоценовых памятников кловис в Америке (Bradley, Stanford 2004: 467, fig. 2).

В материалах Янской стоянки имеются и следы боевого применения таких орудий при охоте на северного оленя в виде костей с пробоинами, в одной из которых застрял обломленный кончик наконечника из бивня мамонта (Питулько 2010а: рис. 17). Поражающие удары были нанесены, скорее всего, с помощью легких метательных копий. Тафономия культурных остатков раннего верхнего палеолита и недолговечность предметов из органических материалов серье-

но влияют на наши знания о предметах охотничьего вооружения этой эпохи, которую М. В. Аникович (2005) справедливо охарактеризовал как «эпоху кости». Именно этот материал (а еще точнее, бивни мамонтов) становится в раннем верхнем палеолите важным сырьевым ресурсом. Его роль лишь возрастает с течением времени и не сводится только к созданию украшений и прочих предметов неутилитарного назначения (Питулько 2010б; Pitulko, Nikolskiy 2012).

Многочисленную группу находок составляют орудия типа шильев или проколок из бивня и кости (17 шт.) и иглы со сверленным ушком (в общей сложности более 50 изделий). Рукояточная часть шильев обычно сильно залощена и часто имеет различные нарезки аккомодационного назначения. Необходимо отметить, что некоторые из них имеют на боковых сторонах тонкие (ширина 0,5 мм) неглубокие гравированные штрихи, регулярно расположенные с шагом 3–4 мм (рис. 13: 13). Они вряд ли имеют декоративную функцию и, скорее всего, использовались для разметки шкур или кож при раскрое материала для шитья одежды, обуви, сумок, спальных пологов, покрышек для жилищ.

Среди иголок имеется 8 целых, остальные представлены фрагментами, из которых 18 фрагментов — с ушком, целым или частично обломанным (рис. 13: 6–8, 12). Ушко оформлено биконическим или, реже, цилиндрическим сверлением. Таким образом, общее количество игл не менее 26 экз. Они различаются по линейным размерам, толщине и диаметру ушка, что позволяет предполагать их предназначение для пошива различных по размеру и материалу изделий (например, покрышек для жилищ, обуви и одежды).

Рис. 13. Костяные орудия и декорированные изделия из бивня мамонта из раскопок Янской стоянки: 1–4 — фрагменты орнаментированных диадем; 5, 11 — фрагменты орнаментированных изделий (11 — с антропоморфным изображением); 6–8, 12 — иглы с ушком и их фрагменты со знаками собственности на боковых поверхностях; 9, 10 — тонкие стержни с разреженными кольцевыми нарезками; 13 — шило с тонкими регулярными нарезками на боковых поверхностях; 14 — кость волка (?) со спиральным орнаментом из коротких параллельных узких нарезок; (1)–(13) — из бивня мамонта; (14) — кость.

Fig. 13. Bone tools and decorated objects from Yana site: 1–4 — ornamented ivory diadems; 5, 11 — fragment of a decorated object (11 — with an anthropomorphic image); 6–8, 12 — eyed needles and needle fragments with ownership marks on the laterals; 9, 10 — thin ivory shafts with circum incisions; 13 — awl with regular incisions on the laterals; 14 — wolf (?) bone with spiral design of parallel short incisions (needle case); (1)–(13) — mammoth ivory; (14) — bone.

Выделяется группа массивных игл длиной 90–110 мм с внутренним диаметром ушка 2,2–2,7 мм и мелких, длиной 50–60 мм с ушком, диаметр которого составляет 1–1,4 мм. Несомненно, крупные иглы по мере утилизации и связанных с этим повреждений переделывались в мелкие, но важно то, что в коллекции изначально присутствуют крупные изделия. Необходимо отметить, что планиграфически находки игл в значительной степени совпадают с находками шильев. Это может говорить о том, что в операциях шитья участвовали оба типа изделий. Первоначально шилом прокалывалось отверстие, а иглой протаскивали нитку и закрепляли шов. Как интересную деталь оформления игл, необходимо отметить группы из неглубоких точек или нарезок, симметрично расположенных вблизи ушка по обеим поверхностям (группы из четырех или пяти точек, и в одном случае — четыре и пять). Скорее всего, их можно рассматривать как знаки собственности (рис. 13: 6–8, 12).

При разборке фаунистической коллекции выявлено значительное количество фрагментов костей с нарезками, залощенностью и иными признаками работы. В комплексе фауны представлены мамонт, шерстистый носорог, плейстоценовый бизон, северный олень, овцебык, лошадь, медведь, волк, россомаха, песец, плейстоценовый заяц, а также куропатка. Количественно преобладают кости лошади, зайца, северного оленя и бизона, а остатки мамонта чрезвычайно малочисленны.

Массовая добыча зайца (а речь идет о сотнях животных) возможна осенью, и этот факт проливает свет на вопрос о времени обитания стоянки. Для такого промысла необходимо использование силковой снасти. Несмотря на отсутствие прямых доказательств наличия таковой в археологическом материале Янской стоянки, подобное допущение возможно хотя бы на основании находок в Моравии, возраст которых близок возрасту Янской стоянки (Adovasio et al. 1996; Адовазо и др. 2001). Заметная роль силковой снасти в системах жизнеобеспечения охотников верхнего палеолита обсуждается в плане ее значения для стратегий жизнеобеспечения и разделения труда (Lupo, Schmitt 2002). Признается возможность ее использования и в среднем палеолите (Wadley 2010). При наличии косвенных свидетельств существования на Янской стоянке материалов для шитья и нанизывания бус предположение об использовании ее обитателями силков выглядит вполне правдоподобным.

Целью промысла, скорее всего, было не столько пополнение запасов пищи, сколько добыча шкурки — легкого и теплого, но очень непрочного меха, который мог использоваться для изготовления нижней одежды, стелек и внутренних чулок для сапог. На эту мысль наводит обилие скелетных остатков зайцев, найденных в анатомическом порядке. Это предположение, как представляется, отчасти подкрепляет наблюдение Ж. Малори (2002), согласно которому охотники только одного из поселений района Туле в Гренландии добывали за сезон от 1000 до 1500 зайцев именно с этой целью, а в пищу их мясо употребляли редко, находя его безвкусным.

Археологический материал Янской стоянки, таким образом, сочетает в себе весьма различные черты. С одной стороны, его первый компонент, создающий впечатление архаизма, имеет подчеркнуто отщеповый характер, вызывающий ассоциации с индустриями среднего палеолита, с другой — великолепная

микроиндустрия (второй компонент), также реализованная в отщеповой технологии. Наконец, функциональные изделия из кости и бивня, отнесенные к третьему компоненту, весьма совершенные технологически и, благодаря специфической тафономии, необыкновенно многочисленные, вполне уместны в любом памятнике эпохи верхнего палеолита.

Ранний верхний палеолит Северной Евразии, тем более — ее арктической зоны, изучен слабо. Для этой эпохи характерна массовая выделка предметов неутилитарного назначения, свидетельства символической деятельности человека, широко известные в том числе и из стоянок южных областей Сибири (Васильевский и др. 1988; Medvedev 1998), Алтая (Деревянко и др. 2003; Деревянко, Рыбин 2003) и Забайкалья (Лбова 2000; Ташак 2009). Орнаменты, украшения и иные символы служат средством самоидентификации человеческих коллективов, способом отличать своих от чужих. Система «свой-чужой» является важнейшей составляющей культуры начиная с весьма ранних ее этапов (Barth 1969). Трудно сказать, является ли она изобретением начала верхнего палеолита, поскольку известны и более древние находки, рассматриваемые как проявление символизма (Zilhão 2007; Вишняцкий 2010), но в верхнем палеолите она, наряду с прочими аспектами символической деятельности человека, получает самое широкое развитие.

Не стала исключением в этом смысле и культура Янской стоянки. Здесь во множестве представлены бусы двух типов и их заготовки, подвески из зубов, бивня мамонта, камня и янтаря, «диадемы», фрагменты орнаментированных предметов и орнаментированные кости. Найдено несколько уникальных предметов. В их числе фрагменты двух орнаментированных сосудов из бивня мамонта и один целый сосуд (рис. 18, 19), схематизированные зооморфные скульптурные изображения из оснований сброшенных рогов северного оленя (рис. 20) и, наконец, небольшой фрагмент бивня мамонта с сюжетной гравировкой (рис. 21, 22).

Для изготовления всех этих предметов широко применялись операции строгания, резания, долбления и полировки для окончательной отделки. В значительном количестве встречены отходы (стружка бивня), соответствующие этим операциям. Орнамент наносился гравировкой, процарапыванием, резанием и пикетажем, и выполнялся по полностью подготовленной, отполированной поверхности. Орнамент, нанесенный пикетажем (наколами), мог состоять как из относительно редких, так и из многочисленных мелких наколов, образующих сплошную узловатую линию. Охарактеризуем кратко основные группы находок.

Бусы

Коллекция бус происходит из раскопок в пункте Северном (Питулько, Павлова 2010). В общей сложности встречено 5890 предметов, отнесенных к данной категории, а также около 900 заготовок или незавершенных изделий. (найденных *in situ* и полученных промывкой материала слоя). Их пространственное распределение имеет определенные особенности. Так, в центральной части раскопа имеется выразительный кластер таких находок в пределах группы из пяти полигонов, в дополнение к которому следует отметить необыкновенно высокую концентрацию бус в северо-западном углу раскопа, а также

Рис. 14. Личные украшения из раскопок Янской стоянки: 1 — группа зубов северного оленя со сверленными отверстиями для подвешивания; 2 — просверленные клыки песца; 3 — бусы типа 1 (простые круглые из бивня мамонта с биконическим сверлением); 4 — подвеска из просверленного зуба северного оленя; 5 — подвеска из зуба северного оленя с круговой нарезкой для подвешивания в корневой части; 6, 7 — пронизки с кольцевой нарезкой в центральной части (бусы типа 2).

Fig. 14. Yana RHS personal ornaments: 1 — reindeer teeth with drilled holes; 2 — drilled arctic fox canines; 3 — type 1 beads (simple rounded beads with byconical drilling); 4 — drilled reindeer tooth; 5 — reindeer tooth with a circum cut for hanging; 6–7 — tubular beads ornamented by a circum cut in the middle (type 2 beads).

в восточной его части. Значительные концентрации всегда присутствуют на участках с очагами. Помимо участков, на которых в значительном количестве представлены законченные изделия, выделяются площади, связанные с производством бус. Выявлено три таких специализированных участка в юго-западной и юго-восточной частях раскопа пункта Северный (Питулько и др. 2012a: табл. 1, рис. 3).

Выделено два типа бус. Бусы 1-го типа (простые круглые бусы) изготовлены преимущественно из бивня мамонта (рис. 14: 3), но, в то же время, встречаются и изделия из кости зайца (?). Судя по отсутствию одностороннего износа поверхности или односторонней выработки отверстий (хотя изредка встречаются и такие предметы), это действительно бусы, а не нашивные украшения на одежду. Бусы 2-го типа представляют собой скорее пронизки, сделанные из диафиза костей конечностей зайца или песца (рис. 14: 6, 7). Пронизки имеют в средней части кольцевую нарезку (как правило, замкнутую или почти замкнутую). Длина изделия приблизительно соответствует утроенной длине (высоте) простых круглых бус.

Находки бус обоих типов имеются в 834 квадратах из примерно 1500 раскопанных, т. е. фактически в половине из них, но в различной степени — от единичных находок до значительных концентраций (первые сотни предметов на квадрат). В ряде случаев они представлены в линейных группировках — изделиями одного типа или сочетаниями бус 1-го и 2-го типа (рис. 15). Характерной

Рис. 15. Наиболее значительная концентрация бус (159 шт., организованных в «ожерелье») в кв. J40 (байджарах Центральный 3): 1 — общий вид; 2 и 3 — различные стадии расчистки. Отчетливо видна последовательность 1–3–1 (пронизка с нарезкой — три простых бусины — пронизка с нарезкой и т. д.).

Fig. 15. The largest concentration of beads (159 beads in a linear arrangement) discovered in J40 unit (polygon Centralny 3): 1 — general view; 2–3 — different stages of excavation. Repeated pattern 1–3–1 is clearly visible (tubular bead with central incision — three simple rounded beads — tubular bead with incision).

деталью этих украшений является окраска минеральным красителем красного цвета, сохранившаяся как на поверхностях изделий, так и во внутренней части, в отверстии для нанизывания и возле него. Необходимо отметить, что людьми Янской стоянки использовались как бусы, созданные из бусин одного типа (1-го, простых круглых), так и комбинированные, с участием бус 1-го и 2-го типов, образующих последовательность 1–3–1: после бусины 2-го типа (пронизка с кольцевой нарезкой) следует три бусины 1-го типа, за ними — еще одна пронизка, и так далее (рис. 15). Подробнее об этом будет сказано ниже.

Бусы 1-го типа изготовлены из бивня мамонта и представлены полным технологическим контекстом (рис. 16: 9–19). Его составляют полуфабрикаты — выструганные из бивня мамонта пластинки шириной ~8–9 мм и толщиной до 4–5 мм (рис. 16: 9, 16), заготовки — отделенные от таких пластинок кусочки бивня мамонта подквадратных очертаний со скругленными углами (рис. 16: 10–11, 13–14, 17–18), незавершенные изделия с незаконченным сверлением (рис. 16: 12, 15, 19) или сломанные в процессе изготовления. Вторая стратегия изготовления таких бус, использовавшаяся, судя по количеству соответствующих ей изделий, реже первой, представлена

Рис. 16. Типичные полуфабрикаты, заготовки, и отходы производства бус Янской стоянки для бус 1-го (9–19) и 2-го типа (1–8): 1–8 — производство бус типа 2 (отходы производства, оставшиеся после отделения участков диафиза кости, пригодного для производства бус — кости зайца с нарезками и следами отделения заготовок); 9 — первоначальная заготовка — тонкая длинная тщательно отструганная пластинка бивня мамонта; 16 — такая же пластинка с боковыми нарезками, намечающими отделение заготовки бусины; 10, 11, 13, 14, 17, 18 — заготовки бус; 12, 15, 19 — заготовки бус с неудачным биконическим сверлением. Материал: (1)–(8) — обработанные кости плейстоценового зайца (*Lepus cf. tanaiticus* Gureev): (1)–(4), (8) — дистальные фрагменты метатарсальной кости, (5)–(7) — проксимальные фрагменты метатарсальной кости; (9)–(19) — бивень мамонта.

Fig. 16. Typical semi-products, preforms, and by-products associated with the bead production sequence at Yana site. Bead production sequence: 1–8 — type 2 sequence (by-products of bead production, that include distal and proximal parts of bones left after diaphysis was used); 9–19 — type 1 sequence (semi-products, preforms, by-products, and incomplete beads): 9 — initial preform — thin and long, carefully shaved flat ivory plate with rectangular cross section; 16 — a preform with side notches that mark the bead preform; 10–11, 13–14, 17–18 — bead preforms; 12, 15, 19 — drilled bead preforms with unsuccessful drilling. (1)–(8) Pleistocene hare (*Lepus cf. tanaiticus* Gureev) bones: (1)–(4), (8) — distal fragments of metatarsal bones, (5), (6), and (7) proximal fragments of metatarsal bones; (9) — (19) — mammoth ivory.

полуфабрикатами в виде тонких струганых стержней из бивня мамонта, отделенными от них заготовками, незаконченными изделиями с начатым сверлением или расколотыми в процессе изготовления. Особо следует подчеркнуть, что встречающиеся в культурном слое стоянки полированные стерженьки из бивня мамонта с регулярными круговыми нарезками (рис. 13: 9, 10) к производству бус отношения не имеют.

Обе стратегии могут быть описаны как несколько последовательных шагов: (1) формирование полуфабриката — пластинки или стержня из бивня мамонта, линейный размер которых в среднем составлял 5–10 см при ширине/диаметре 4–7 мм; (2) производство надрезов с боков пластинки или по периметру стержня; (3) слом выделенной части полуфабриката для получения подквадратной или цилиндрической заготовки; (4) подготовка отверстия биконическим сверлением; (5) нанизывание полученных заготовок на спицеобразное приспособление для удержания их в плотной упаковке (либо стягивание их в такую упаковку с помощью жилки с узлом и воротка); (6) шлифовка поверхности на абразиве (первоначально относительно крупном, затем мелком) с целью получить идентичные по диаметру и балансу изделия; (7) полировка (Питулько и др. 2012а: рис. 8).

На заключительной стадии изготовления производилось окрашивание минеральным красителем красного цвета. Не исключено, что оно осуществлялось одновременно с полировкой с использованием в качестве агента порошка или пастообразной смеси, изготовленной на основе красной охры с добавками жира. Как пишет Р. Уайт, именно этот способ используется современными косторезами как наиболее эффективный (White 1989: 38) для полировки изделий из слоновой кости или ископаемого бивня мамонта.

Необходимо отметить, что подквадратные «бусины» с биконическим сверлением, получавшиеся в результате выполнения технологических шагов (2), (3) и (4), являются именно промежуточной формой, а не конечным продуктом. В пользу такого предположения говорит полное отсутствие среди них таких, которые имели бы те или иные следы износа — например, асимметрию отверстия или заполировку одной из плоских поверхностей. Более того, подквадратные «бусины» (т. е. почти завершенные бусины 1-го типа), а также находящиеся в аналогичной стадии обработки бусины, изготовленные по дополнительной технологии (из струганых бивневых стерженьков), имеют «разлохмаченные» углы, оставшиеся после подрезки краев пластинок (первые), или «граненую» струганную поверхность (вторые). Для того чтобы избавиться от этих дефектов и получить законченные круглые бусины, выполнялись операции по приданию формы, шлифовки и полировки изделий.

Таким образом, при изготовлении бус людьми Янской стоянки выполнялись следующие операции: строгание, резание, двустороннее сверление специально подготовленным острием или углом отщепы, абразивная обработка материалом различной зернистости, полировка, окраска. Можно также заметить, что операции сверления проводились, скорее всего, каким-то специально подготовленным инструментом. На это косвенно указывают метрические характеристики внешних и внутренних диаметров отверстий в бусах 1-го типа, которые различаются по средним, минимальным и максимальным значениям на 0,2 мм.

В общих чертах технология изготовления бус подобна той, что описана Р. Уйатом для производства ориньякских (White 1995), а также (на основании предположений С. А. Семенова) сунгирских бус (White 1997). Во всех этих случаях идет речь о массовом производстве стандартных изделий, и поэтому логика начальных этапов процесса идентична. Заключительные стадии обнаруживают заметные различия. Так, ориньякские бусы, проанализированные Уйатом, имеют специфическую форму, они требовали индивидуальной обработки на заключительном этапе. Сунгирские бусы — простые, существуют в трех вариантах (округлые, подквадратные, овальные), однако все они уплощенные (Семенов 1968; Бадер 1998).

Отличительной чертой янской технологии являются заключительные технологические шаги, ведущие к превращению подквадратной заготовки с отверстием, полученным биконическим сверлением, в цилиндрическую бусину — короткий цилиндр с отношением высоты к ширине 1:2. Средние (наиболее часто фактически встречающиеся значения) для бус 1-го типа: высота 2,1 мм, внешний диаметр 4,0 мм. Размах вариаций значителен и изменяется для высоты в интервале 0,9–3,6 мм, а для диаметра — в интервале 3,0–6,2 мм (Питулько и др. 2012а: табл. 2). Метрика изделий указывает на обработку высокого класса точности.

На основании распределений метрических признаков (высота и диаметр) для бус 1-го и 2-го типа (длина и диаметр) выявлен их «золотой стандарт» (Питулько и др. 2012а). Можно утверждать, что связь в метрике этих изделий не случайна, ибо отношение 1:2 выдерживается и для бус типа 2 (пронизок из диафизов костей мелких животных). Сравнение средних значений диаметров бус обоих типов говорит об их практически полной идентичности: 4,0 мм для бус типа 1 и 3,8 мм для бус типа 2. Бусы 2-го типа изготавливались из кости I и II фаланг задних лап и длинных костей конечностей зайца. Следовательно, именно этим размером был задан стандарт диаметра бус 1-го типа, которые производились из бивня мамонта.

Бусы 2-го типа (рис. 14: 6, 7) изготовлены из костей конечностей зайцев путем последовательного отрезания кусочков диафиза. Для изготовления таких бус чаще всего использовались I и II задние фаланги зайца и, реже, плюсневая и пястная кости (рис. 16: 1–8). Длинные кости, имеющие существенно больший диаметр, использовались относительно редко.

Последовательность изготовления таких пронизок очевидна. От выбранной кости отделялись эпифизы с тем, чтобы освободить более или менее протяженный кусок диафиза. Полученный полуфабрикат далее, скорее всего, размечался на отрезки нужного типоразмера, на которых выполнялась кольцевая нарезка. Затем подготовленные таким образом пронизки отделялись путем выполнения глубокого кругового надреза и слома (иногда неудачного). В большинстве случаев плоскость среза расположена под прямым углом к оси полуфабриката, однако изредка концы пронизок обрезаны под углом 45°.

Характерной чертой данных предметов является следование стандарту диаметра (около 4 мм) и отношению длина/диаметр, которое, как и для бус 1-го типа, составляет 1:2. Вариация размеров изделий значительна, однако на данный момент нет оснований говорить о существовании нескольких размерных классов (измерения выполнены для 100 % целых пронизок, найденных в ходе раскопок). Как крупные, так и мелкие пронизки были для чего-то необходимы

(также как и крупные или мелкие бусы 1-го типа), однако эта потребность не привела к появлению стандарта.

Сопоставление количественных показателей для бус 1-го (N = 5592) и 2-го (N = 299) типов, при котором учтены целые изделия и наиболее полные фрагменты, показывает, что их количество различается на порядок. Это, безусловно, говорит о том, что преимущественно использовались бусы 1-го типа, тогда как бусы 2-го типа выступают в качестве какого-то важного дополнительного (смыслового?) элемента готового украшения. Об этом же говорит и их пространственное распространение — они встречаются преимущественно единично, не образуют концентрации. В значительном количестве готовые пронизки встречены только в кв. J40 (байджарах Центральный 3), где участвуют в конструкции «ожерелья» (рис. 15). При его расчистке найдено *in situ* 19 пронизок и еще 1 попала в промывку, дополнительно в прилежащих квадратах найдено 9 пронизок, которые также могут иметь отношение к этой находке.

В пределах раскопа имеется три участка, характеризующиеся специализацией по производству бус. На одном из них (байджарах Большой 1) отмечается полный цикл производства бус 1-го типа из бивня: от длинных заготовок через различные стадии до законченных изделий. На двух других (байджарах Пионерский 1 и Крайний) отчетливо просматривается производство как бус 1-го типа из бивня, так и бус 2-го типа из кости (Питулько и др. 2012а: табл. 1, рис. 3).

Бусы, найденные при раскопках Янской стоянки, сохраняют следы нанесенного на них красного минерального красителя. Его присутствие заметно на поверхностях изделий, а также в отверстиях бус. Окрашивались уже готовые изделия, однако окраска, скорее всего, обновлялась неоднократно за время жизни украшения.

Краситель производился непосредственно на стоянке из полимиктового песчаника, в состав которого входит гематит (Питулько, Иванова 2010). Сырье имеет слабую розоватую окраску. Обнажения таких песчаников известны в долине р. Яны выше по течению от Янской стоянки. Ее культурный слой заметно насыщен мелкой крошкой этой породы, полученной в ходе измельчения сырья на начальной стадии производства, а также мелкими комочками готовой краски и изделиями в форме «карандашей» или «мелков».

Судя по химическому составу образцов и ядерно-магнитным спектрам вещества, краска изготовлена из смеси минерального красителя и жиров. Установленное на основании сравнения с референтными данными (Tinoco 1982) соотношение жирных кислот и их состав позволяют предположить, что использовался жир северного оленя (Питулько, Иванова 2010). Процесс изготовления краски включал в себя измельчение сырья с последующим извлечением охры вымыванием. Образовавшаяся паста высушивалась и затем смешивалась с жиром, который был нужен для придания массе необходимой консистенции. Его наличие имело также косметическое значение, поскольку в чистом виде эта краска, как любая грязь, сушит кожу.

С операциями измельчения и истирания сырья для приготовления краски связаны массивные тяжелые орудия наподобие пестов и терочников, изготовленные из гранитных валунов небольшого размера. И те, и другие имеют хорошо выраженные следы износа, поскольку применявшееся сырье обладает твердостью, примерно равной твердости полевого шпата (5,5 по шкале твердости минералов).

Подвески

Среди подвесок представлены как серийные, так и уникальные формы. К серийным изделиям относятся подвески из зубов животных (рис. 14: 1, 2, 4, 5) и кольцеобразные подвески из бивня мамонта (рис. 17). Наиболее распространены подвески из зубов животных (81 экз.). За исключением подвески из резца лошади (рис. 17: 4), обнаруженной при пробных раскопках в пункте Яна В, все остальные происходят из раскопок в пункте Северном. Они встречаются как единично, так и группами по два-три предмета. Будучи найденными в значительном количестве на том или ином участке (полигоне) в пределах раскопа, они чаще всего оказываются рассеяны на небольшой площади — около квадратного метра или чуть более (Питулько и др. 2012а).

Относительно редкой находкой являются «клады» заготовок для изготовления наборов таких подвесок. В них компактной группой всегда представлено семь предметов. Компактность залегания и, в особенности, количество сложенных вместе зубов (чаще всего резцов), а также повторяемость находок на различных участках раскопа однозначно указывает на намеренность их группировки. Всего встречено пять таких достоверных групп, и происходят они из тех же участков, на которых осуществлялось изготовление бус и пронизок. В коллекции имеется также некоторое количество изолированных зубов, встреченных единично и группами по 2–3 предмета в условиях, не предполагающих их случайное попадание в культурный слой, т. е. вне фаунистического контекста, которому они могли бы принадлежать. Они, скорее всего, также являются заготовками зубных подвесок, однако доказать это пока трудно. В отношении упомянутых пяти группировок сомнения отсутствуют, тем более что в одной

Рис. 17. Подвески из раскопок Янской стоянки (1–5) и заготовка подвески типа Куртак (6): 1 — янтарная подвеска с круговой нарезкой для подвешивания в центральной части; 2, 3 — фрагменты кольцеобразных подвесок (подвески типа Куртак); 4 — подвеска из зуба (резец лошади с зарубкой в корневой части); 5 — подвеска из антраксолита; 6 — заготовка подвески типа Куртак; (1) — янтарь; (5) — антраксолит; (4) — резец плейстоценовой лошади; (2), (3), (6) — бивень мамонта.

Fig. 17. Pendants from Yana site (1–5) and a preform for a Kurtak type pendant (6): 1 — amber pendant with circum incision in the middle; 2–3 — ring-shaped pendants (Kurtak type pendants); 4 — tooth pendant (horse incisor with a notch); 5 — pendant made of antraxolite; 6 — Kurtak type pendant preform; (1) — amber; (5) — antraxolite; (4) — Pleistocene horse incisor; (2)–(3), (6) — mammoth ivory.

из таких групп в кв. К34 из семи зубов «клада» два перфорированы (Питулько и др. 2012а: рис. 12: 1).

Помимо особенностей пространственного размещения подвесок из зубов животных с перфорацией корня или зарубками, внимания заслуживает также их видовой состав. Зубы хищных составляют здесь явное меньшинство — 11 из 81, причем песцу принадлежат 9 экз. клыков (как верхних, так и нижних), а волку — только 2 зуба, клык и премоляр. Остальные принадлежат крупным травоядным, перечисляемым здесь в порядке возрастания: лошадь, бизон или овцебык, северный олень (Питулько и др. 2012а: табл. 3). С учетом зубов-заготовок из «кладов», преобладание зубов северного оленя (с перфорацией, нарезками или без оных) является абсолютным. Как интересную деталь следует отметить присутствие в наборах (кладах) молочных резцов северного оленя.

Украшения из зубов различаются по способу подвешивания и методу оформления отверстия. Простейшим и наиболее редким в Янской коллекции является способ подвешивания с помощью небольшой зарубки или кольцевой нарезки, сделанной в корневой части зуба. Таких изделий всего четыре, два из них — зубы лошади, два других принадлежат волку. Вероятнее всего, эти предметы носились как самостоятельные украшения-подвески, подобные формам, встреченным единично (подвески из антраксолита, янтаря и др.).

Отверстие чаще всего располагали в корневой части зуба на уровне примерно $\frac{2}{3}$ общей его длины, измеренной от поверхности коронки к кончику корня. Перед сверлением отверстия поверхность корня подготавливали, формируя абразивной обработкой плоские ровные поверхности, удобные для начала работы. В точке сверления, видимо, наносились ориентирующие штрихи. Уплотнение, вероятно, было необходимо не только технологически, но и функционально, в ходе монтажа украшения. Возможно, в этих композициях участвовали крупные бусы и пронизки, в небольшом числе имеющиеся в коллекции.

Есть основания думать, что, по крайней мере, часть этих украшений содержала семь зубных подвесок (возможно, были и другие наборы, но случай с семеркой, в отличие от них, очевиден). Можно определенно сказать, что среди таких композиций из перфорированных зубов травоядных (считая и наборы зубов в «кладах») преобладают те, в которых представлены зубы животных одного вида — бизона или овцебыка (1 случай), или северного оленя (4 случая), еще в одном случае точно присутствуют зубы бизона (2 экз.), остальные не определены. Подобная картина отмечена в группе из трех подвесок, найденных совместно, где имеется два зуба бизона (овцебыка?) и один северного оленя.

Кольцеобразные подвески из бивня представлены в небольшом количестве (8 экз.), в основном фрагментами (рис. 17: 2, 3). Диаметр изделий составляет 2,5–3 см, толщина около 0,5 см, диаметр центрального отверстия около 1 см на начальной стадии изготовления, впоследствии увеличивается до приблизительно 2 см. Имеются изделия различной степени готовности. Для их производства использовались естественные щепки бивня мамонта (рис. 17: 6) и, вероятно, его отщепы, в которых первоначально по контуру прорезалось отверстие. В результате данной операции появлялись «таблетки» из бивня мамонта, являющиеся специфическим отходом производства. На следующем

этапе формировался внешний контур подвески и расширялось отверстие. Аналогичные серийные изделия впервые были найдены Н. Ф. Лисицыным на стоянке Куртак 4 в Чулымо-Енисейской котловине. Возраст этого памятника близок ко времени существования Янской стоянки и, на основании нескольких радиоуглеродных дат, определен в интервале 26 000–23 000 л. н. (Лисицын 2000). Эти специфические изделия мы предлагаем именовать в дальнейшем «подвесками типа Куртак» (рис. 17: 2, 3).

Подвески, изготовленные из минерального сырья, немногочисленны. К ним относится изделие из мягкого минерала смолянисто-черного цвета (антраксолит, разновидность окаменевшего битума) со сверленным биконическим отверстием (рис. 17: 5). Подвеска удлиненной формы, отверстие для подвешивания расположено асимметрично, одна из сторон — прямая, искусственно сформированная. Вблизи отверстия имеется группа штрихов неясного назначения. В целом она напоминает условно переданную голову какого-то животного, скорее всего, плейстоценовой лошади. Другая подвеска изготовлена из янтарной галечки красного цвета и имеет двойную круговую нарезку (рис. 17: 1). Янтарь низкого качества, хрупкий, и, скорее всего, имеет местное происхождение. В пределах региона он описан для о-ва Новая Сибирь (мыс Утес Деревянных Гор на южном берегу острова Новая Сибирь) в примерно 600 км к северу от Янской стоянки, там же встречаются антраксолиты, угли, окаменевшая миоценовая флора (Гакель 1967), что подтверждается и полевыми наблюдениями авторов.

Орнаментированные предметы из бивня и кости

Наиболее распространенной формой являются так называемые диадемы, или налобные обручи (рис. 13: 1–4). Они представлены одним целым изделием и множеством (более 40) фрагментов различной длины, среди которых имеются как краевые (со сверленным одиночным или, в одном случае, парным отверстием), так и обломки центральной части. Подавляющее большинство этих изделий представлено фрагментами и, возможно, по крайней мере, часть из них может относиться к браслетам или нашивным пластинам (?). В любом случае, это сходные по морфологии украшения. Отчетливо выделяются две группы изделий — соответственно с шириной 4–6 и 9–12 мм. Единичные предметы имеют ширину около 18 мм. Все они плосковыпуклые в сечении, внутренняя сторона плоская. Отверстия высверлены как с внешней (2 случая), так и с внутренней стороны (9 случаев), в 11 случаях отмечено биконическое сверление. Внутренний диаметр отверстия составляет 1–3,3 мм, внешний диаметр изменяется в пределах 2,3–4,3 мм. Орнамент состоит из штрихов и точек, расположенных линейно, параллельных краю, часто по продольной оси предмета. Значительно реже встречается линейно-волнистое расположение узора, а также орнамент из поперечных линий, прочерченных или составленных из близко расположенных наколов. В отдельных случаях имеются сложные геометрические композиции, образованные из прямоугольников. Штрихи, составляющие орнамент, были нанесены гравировкой или прочерчиванием, или же образованы нанесенными рядом наколами. Встречаются также орнаменты из разреженных точек. Специфическим элементом орнамента являются фигуры, выполненные в виде литеры «А». Это, очевидно, антропоморфный символ, в редких случаях

ограничивающий орнаментальное поле. В качестве такого ограничителя могут выступать также парные поперечные линии.

Плакетка из бивня мамонта с гравировкой имеет размеры 46,3 × 12,2 (16) мм, толщину 1,3 мм (рис. 13: 11). Судя по неполноте орнамента, она является фрагментом какого-то более крупного предмета, возможно — объемного. Поперечные края обработаны, продольные имеют следы слома. Изображения нанесены только по одной стороне. В правой части лицевой стороны расположено антропоморфное изображение с отдельными штрихами внутри контура. Контур выполнен мелкими точками, соединенными в линию. Четыре линии, состоящие из парных точек, нанесены перпендикулярно длинной оси предмета и смещены к его левому краю. В нижней части лицевой поверхности плакетки расположены символы, состоящие соответственно из трех и двух вертикальных штрихов, соединенных в верхней части. От основного поля они отделены линией из редких штрихов-пунктиров.

Среди декорированных предметов из Янской стоянки имеется еще один фрагмент какого-то довольно крупного тонкостенного изделия из бивня мамонта, о размерах и форме которого судить трудно (рис. 13: 5). Не исключено, что это часть какого-то объемного предмета. Сохранившийся фрагмент имеет 65 мм в длину и 42 мм в ширину. Судя по сохранившейся части, на его лицевую поверхность был нанесен сложный геометрический орнамент, составленный из редко расположенных параллельных пунктирных (точечных) линий, разделенных «диагоналями», или сдвоенным косым крестом. Сплошные линии, образующие его, дополнительно украшены короткими штрихами, примыкающими к ним под прямым углом всегда с одной стороны и через равные промежутки. Параллельно нижнему (?) краю предмета располагаются поставленные в ряд антропоморфные символы в форме литеры «А» (рис. 13: 5).

Формально к объемным изделиям, рассматриваемым ниже, могут быть отнесены также обломки стержней из бивня мамонта с кольцевыми или спиральными нарезками (рис. 13: 9, 10). Эти предметы не имеют отношения к производству бус и являются самостоятельными украшениями. По крайней мере, одно из таких изделий сохранило фрагмент отверстия для подвешивания или пришивания. Спиральный орнамент из коротких тонких штрихов, образующих узкую ленту (рис. 13: 14), имеется также на игольнике, изготовленном из трубчатой кости волка.

Объемные изделия с символической функцией

Среди изделий из органических материалов, полученных при раскопках Янской стоянки, имеется три серии предметов, которые мы называем объемными, чтобы подчеркнуть разницу между ними и рассмотренными выше украшениями и функциональными в прямом утилитарном смысле предметами. Эти серии немногочисленны (кроме зооморфной скульптуры). Однако можно сказать, что многие из этих предметов весьма необычны для верхнего палеолита в целом.

Назначение изделий, относящихся к одной из этих серий, можно определить как частично утилитарное — это посуда из бивня мамонта (рис. 18, 19).

Рис. 18. Янская стоянка. Орнаментированный ковш из бивня мамонта.
Fig. 18. Yana site. Decorated ivory scoop.

Рис. 19. Янская стоянка. Часть небольшого орнаментированного «черпака» из бивня мамонта, собранного из трех фрагментов: 1 — вид внутренней поверхности; 2 — вид внешней поверхности днища.

Fig. 19. Yana site. A part of a small ivory scoop assembled of three fragments: 1 — inner surface; 2 — external surface (bottom).

В отношении утилитарности второй — объемные изделия из основания рога северного оленя — есть определенные сомнения (рис. 20) и, наконец, третья группа — концы бивня мамонта с гравировкой — утилитарных функций явно не имеет (рис. 21, 22).

Сосуды из бивня мамонта представлены тремя экземплярами различной сохранности. От одного из них имеется только фрагмент края с редко расположенными косыми насечками. Длина фрагмента около 120 мм. Второй представлен прикраевой частью небольшого сосуда (ширина около 50 мм) с орнаментом из косых насечек

по краю и редкими линейно расположенными точками по поверхности (рис. 19: 1, 2). Наконец, третий предмет этой группы, сохранившийся целиком, имеет подтреугольные очертания и довольно крупный размер (рис. 18). Ширина основания 121 мм, максимальная длина 187 мм, высота 38 мм, глубина 21,7 мм. Технология производства таких предметов загадочна. Можно лишь сказать, что он был выдолблен из куска бивня мамонта. Внутренняя поверхность хранит следы выскабливания, особенно заметные на днище.

Ковш богато орнаментирован по всей поверхности. Орнамент состоит из линий, образованных наколотыми точками и формирующих на торцевой поверхности примитивный меандр. Тело ковш было покрыто плотно расположенными зигзагообразными узловатыми линиями, которые образованы близко расположенными точками, нанесенными по уже готовой отполированной поверхности. Ковш находился в употреблении достаточно долго, о чем свидетельствуют исправленное повреждение в его узкой части (обломленный край был заново обработан), а также попытка восстановить парные отверстия на одной из боковых сторон (рис. 18). В момент выхода этого предмета из употребления в его днище ударом с внутренней стороны было пробито отверстие.

Значительной серией (26 экз.) представлены объемные предметы, изготовленные из оснований сброшенных рогов северного оленя (рис. 20). Их размер, разумеется, зависит от исходного материала, но, как правило, диаметр основания составляет около 3–4 см. Высота обычно соответствует диаметру основания или несколько меньше его.

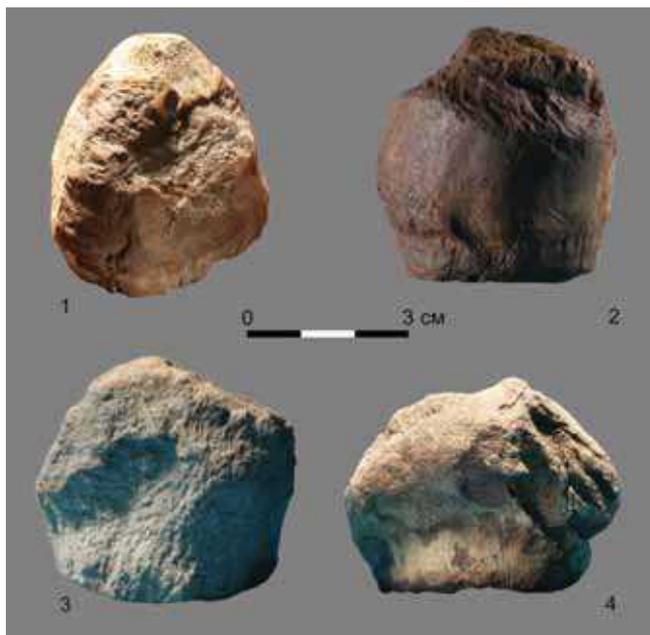

Рис. 20. Янская стоянка. Зооморфные фигурки из оснований сброшенных рогов северного оленя: 1 — полиэikonическая скульптура мамонта; 2–4 — фигурки мамонтов.

Fig. 20. Yana site. Zoomorphic figurines made of antler: 1 — polyiconic sculpture of mammoth; 2–4 — mammoth figurines.

Сначала основание рога аккуратно отделялось от его штанги (в большинстве случаев линия отреза находилась ниже надглазничного отростка). Образовавшаяся по линии отреза поверхность тщательно скруглялась строганием. Поскольку в естественном состоянии основания сброшенных рогов оленя слабовыпуклые, основания фигурок уплощались абразивной обработкой для устойчивости при установке (?) на горизонтальную поверхность. Фактура поверхности основания рога, образованная наплывами коркового вещества, вызывает ассоциации со свисающей шерстью. Возможно, это обстоятельство играло определенную роль при выборе материала.

Судя по характеру обработки, эти предметы находятся в различной стадии завершенности. Кроме того, поверхность большинства из них растворена в результате воздействия почвенных процессов, а также циклов промерзания/оттаивания в период пребывания культурного слоя вблизи фронта промерзания до его перехода в многолетнемерзлое состояние. Тем не менее, поверхность, по крайней мере, некоторых из этих изделий была тщательно обработана. Характер материала, из которого они изготовлены, обычно не предполагает хорошей сохранности поверхности. Можно, однако, отметить, что в крайне редких случаях сохраняются островки заполированной поверхности, на которой различимы очень тонкие дополнительные декоративные штрихи. Это, несомненно, свидетельствует о намеренности полировки.

Один из таких предметов, видимо, наиболее завершенный, имеет дополнительно сформированное ребро, украшенное поперечными насечками (рис. 20: 1). Поверхность его (там, где она сохранилась) несет следы тщательной заполировки и покрыта мелкими дополнительными штрихами. С нашей точки зрения,

Рис. 21. Янская стоянка. Бивень мамонта со сложной композиционной гравировкой, возможно, мнемонической записью: 1 — общий вид поверхности бивня с гравированными изображениями; 2 — два главных антропоморфных изображения; 3 — группа мелких антропоморфных изображений.

Fig. 21. Yana site. Engraved mammoth tusk with a possible mnemonic record: 1 — general view of the engraved side of the tusk; 2 — two main anthropomorphic images; 3 — group of smaller anthropomorphic images.

представляется возможным интерпретировать его в качестве полиэikonического изображения мамонта (соответственно, «лицо» и силуэт при взгляде в фас и в профиль). Скорее всего, вся эта серия представляет собой сильно схематизированные зооморфные изображения, наподобие хорошо известных изделий из мергеля, найденных в Костенках (Абрамова 2003–2004; Abramova 1995), которые обладают различной степенью детальности. Очевидно, в ряде случаев весьма обобщенное изображение мамонта или бизона было достаточным. Невозможно сказать, какова была функция этих предметов, однако можно предположить, что такие обобщенные фигурки могли быть частью какой-то логической игры или детской игрушкой. Так, например, в этнографии кетов, манси, хантов, а также саамов описаны комплекты «фигур», употреблявшихся в каких-то логических играх, правила которых неизвестны (Иванов 1970).

Бивни с гравированными изображениями найдены в двух экземплярах (рис. 21, 22). Это кончики бивней молодых мамонтов, аккуратно отделенные от целого бивня и тщательно заполированные, диаметром около 40 мм при длине 138 и 205 мм. Поверхность каждого из них разделена на две симметричные плоскости рядами коротких поперечных штрихов. Сохранность их неравноценна: верхняя по положению в культурном слое плоскость сильно повреждена

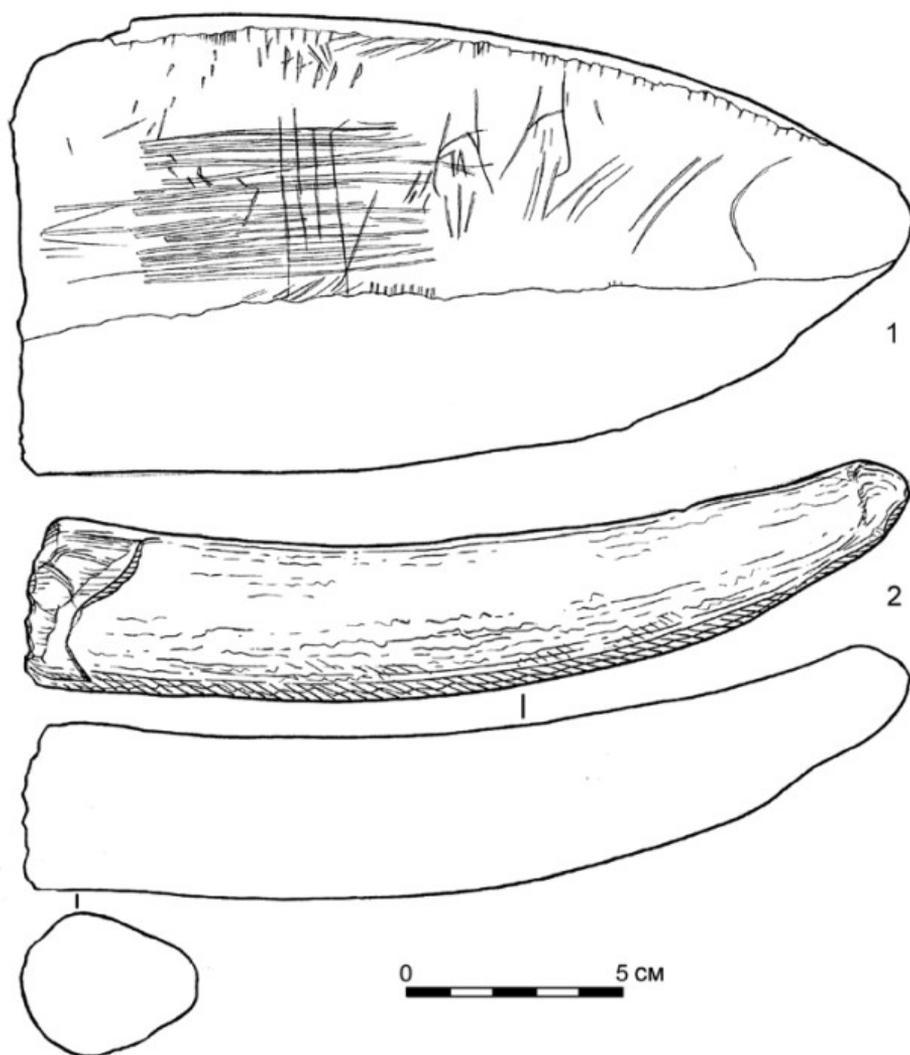

Рис. 22. Янская стоянка. Бивень мамонта со сложной композиционной гравировкой. Прорисовка: 1 — поверхность бивня с гравированными изображениями; 2 — общий вид обратной стороны предмета, сечение в основании и профиль.

Fig. 22. Yana site. Mammoth tusk with a complex engraved composition (re-drawn from the original): 1 — surface with the engravings; 2 — general view of the artifact from the back side, profile and cross-section in the base.

химическим выветриванием (почвенными процессами и циклами промерзания/оттаивания в момент пребывания предмета на границе сезонно-талого слоя). Рисунки, если они и были нанесены на нее, утрачены, за исключением единичных глубоко проникающих в тело бивня бессистемных бороздок и точек.

Плоскости, сохранившие рисунки, в художественном отношении неравноценны. Для меньшего по размеру бивня можно отметить лишь наличие многочисленных, но бессистемных гравированных линий. О том, что композиции могут быть довольно сложными, убедительно говорит рисунок, покрывающий поверхность второго бивня.

На нем представлена линейно организованная композиция, состоящая из двух рядов изображений (рис. 21: 1; 22: 1). Гравировка выполнена очень твердым инструментом с узким лезвием, возможно, простым отщепом горного хрусталя, который применялся обитателями Янской стоянки для изготовления микроорудий для обработки бивня. В нижнем ряду, в порядке слева направо, изображены: группа вертикальных линий, поверх которых нанесена тщательная штриховка, образующая прямоугольник и как бы отменяющая их, следом изображены две стоящие рядом крупные антропоморфные фигуры и, наконец, прочерчены наклонные линии, объединенные в группы по 3, 2 и 1 линии (рис. 21: 1). Верхний ряд изображений представлен еще более обобщенными антропоморфными символами, намного меньшего размера. Они расположены полукругом, в центре которого неясными косыми штрихами изображено нечто, лежащее на земле (рис. 21: 3; 22). Стоящие вокруг этого объекта фигуры (по крайней мере, часть из них) можно определить как мужчин-охотников, либо просто мужчин.

Вероятно, данная композиция была бы понятнее, если бы удалось прочесть утраченную вторую часть, находившуюся на обратной стороне бивня. Отдельные островки поверхности, сохранившиеся на ней, содержат разрозненные штрихи, указывающие на наличие в прошлом второй части рисунка.

Трактовать композицию, нанесенную на лицевую сторону, можно различными способами, однако в любом случае она имеет определенный сюжет и, скорее всего, является мнемонической записью или пиктограммой, облегчающей рассказ о каком-то реальном бытовом, мифическом или космогоническом событии. В последнем варианте сюжет вполне укладывается в рамки рассказа о том, что когда-то, давным-давно, когда еще ничего не было, жили два брата-близнеца (или просто два брата, или брат и сестра), которые затем тем или иным путем создали мир и людей. Иначе говоря, ее можно рассматривать как вариант мифа о Божественных Близнецах. Близнецный миф является одним из наиболее распространенных в мире и, следовательно, наиболее древним. Возможно, данная композиция указывает на его глубокую древность.

Вне зависимости от взглядов на содержание композиции относительно нее можно сделать несколько важных замечаний. Во-первых, люди, создававшие ее, обладали развитой способностью к абстрактно-символическому мышлению, что подтверждает и развитый комплекс украшений и орнаментов, найденных на Янской стоянке. Во-вторых, рисунок в техническом отношении весьма совершенен. В нем передана зрительная перспектива (крупные изображения на переднем плане и мелкие на заднем, а также расстановка схематических антропоморфных фигур в верхней части композиции). Концепция визуальной

перспективы появляется в европейском палеолите лишь после 20 000 л. н. (Clottes 2000). В-третьих, эти люди обладали потребностью создавать подобные формы серийно, что предполагает наличие у них какой-то простейшей системы хранения и передачи информации.

Обсуждение материала

На основании стратиграфических и планиграфических наблюдений, сделанных во время раскопок Янской стоянки, можно сформулировать несколько выводов общего характера. Прежде всего, это был сезонный лагерь, функционировавший предположительно в летне-осеннее время. Горизонты с многочисленными артефактами и очагами часто бывают перекрыты горизонтами костей. В то же время имеются жилые площадки, не перекрытые костным материалом. Очевидно, это может рассматриваться как свидетельство неоднократных посещений.

Пространство, интерпретируемое как жилая площадка, имеет около шести метров в диаметре. Никаких структур, которые могли бы быть опознаны как долговременные жилые сооружения, не найдено. Поскольку наличие их было бы неизбежно для зимнего лагеря, можно предполагать, что территория группы, избравшей район Янской стоянки в качестве базового сезонного лагеря, была весьма значительной. Об этом свидетельствуют и находки подвесок из редкого сырья (янтаря и антраксолита), встречающегося в 600 км к северу, на Новосибирских о-вах и вблизи современного побережья в 200 км к северо-западу, в окрестностях пос. Тикси. Зимнее становище этих людей, скорее всего, располагалось где-то в обширных межгорных котловинах Верхоянского хребта, примерно в 300 км к югу от местности, где находится Янская стоянка.

В этой связи желательно хотя бы кратко упомянуть фаунистические находки, полученные при раскопках. Фаунистическая коллекция Янской стоянки, объединяющая материал из раскопок на участках Северный, Яна В, ТУМС и сборов, насчитывает тысячи единиц материала и находится в начальной стадии обработки. Предлагаемые заключения, соответственно, носят предварительный характер.

В коллекции представлены костные останки крупных травоядных, включая представителей плейстоценовой мегафауны, таких, как мамонт и носорог. В ее обработанной части высока доля неопределимых обломков. Видимо, и в целом можно ожидать, что неопределимые кости составят не менее 30–40 % общего объема коллекции. Культурный слой стоянки наполнен большим количеством мелких фрагментов костей и костной крошки, что указывает не только на «кухонную» утилизацию добычи, но и на целенаправленное измельчение костей дроблением, осуществлявшееся с какой-то целью. Подавляющее большинство костей в той или иной степени повреждено, разбито.

Крупные длинные и плоские кости мамонта в культурном слое встречаются единично и практически всегда представлены фрагментами, а наибольшее число находок костей этого зверя содержится в коллекциях из сборов и из костеносной линзы УММ, составляющей часть пространственной структуры памятника (Basilyan et al. 2011). В фаунистическом комплексе стоянки мамонт представлен значительно слабее, чем бизон, лошадь, северный олень и заяц, его кости составляют около 3 % (Питулько 2010а). Помимо перечисленных

животных, встречаются в малом числе носорог, овцебык, лось, благородный олень, бобр и некоторые другие виды. Находки бобра и благородного оленя косвенным образом указывают на наличие на относительно небольшом удалении от стоянки лесных ландшафтов, скорее всего, в межгорных котловинах к югу от нее.

Хищники представлены волком, песцом, росомехой и медведем (последние два — единично). В позднеплейстоценовом фаунистическом комплексе, современном обитанию человека в низовьях р. Яны, был представлен также пещерный лев (Pitulko et al. 2004). Беглая характеристика фаунистического материала стоянки показывает, что здесь найдены практически все виды крупных млекопитающих, обитавших в северной области Северо-Восточной Азии в конце каргинского времени.

В первоначальных публикациях сообщалось (Pitulko et al. 2004), что основным пищевым ресурсом обитателей Янской стоянки был северный олень. В настоящий момент можно говорить о преобладании бизона, промысел которого существенно дополнялся охотой на северного оленя и лошадей. По-видимому, важное значение имела добыча зайца, который был также источником легкого и теплого меха. Планиграфически выявляются участки, где костей этого зверька особенно много, причем часто это сохранившиеся в анатомической связи кости почти полных скелетов. Косвенным образом это указывает на возможный сезон промысла, поскольку добыча шкурок зайца имеет смысл в период, когда мех крепкий и теплый, т. е. поздней осенью и ранней зимой. В костяном инвентаре стоянки заметное место занимают иглы, проколки и шилья (рис. 13), что свидетельствует об изготовлении одежды, в том числе, видимо, и из меха зайца. Присутствие большого количества костей этого животного, видимо, следует рассматривать как признак наличия развитой системы пассивного промысла — силков, петель, с помощью которых возможен значительный объем добычи. Отмечаемое на памятниках конца среднего — начала верхнего палеолита повышение роли промысла мелких, но многочисленных представителей фауны (Аникович и др. 2007: 279), видимо, следует рассматривать в этом же контексте (Питулько 2008–2009).

Совершенно очевидно, однако, что Янская стоянка представляет собой совокупность следов нескольких лагерей долговременного обитания. Весь комплекс данных, полученных при исследовании стоянки, показывает, что это культура охотников открытых пространств, полностью овладевших всем набором умений и навыков, необходимых для успешного выживания в условиях ландшафтов конца каргинского времени арктических низменностей Северо-Востока Азии. Таким образом, можно предполагать, что янские находки фиксируют не первоначальное освоение территории, а эффективную стратегию освоения человеком арктической и субарктической областей этого региона.

Людей эпохи верхнего палеолита часто представляют как охотников на мамонтов. Фаунистические материалы Янской стоянки не подтверждают этого. Более того, изучение характера распределения датированных остатков мамонтов на севере Яно-Индибирской низменности (Nikolsky et al. 2011) показывает, что присутствие в этих районах человека 28 000 л. н. не оказало на местную популяцию мамонтов никакого влияния — на этот хроносрез приходится один из пиков относительной численности этих животных. С другой стороны,

последствия вымирания мамонтов на рубеже голоцена имели серьезные последствия для культуры древнего населения региона и вызвали заметные изменения в его материальной культуре (Питулько 2010б; Pitulko, Nikolskiy 2012).

Наибольшее значение для обитателей Янской стоянки имели бизон, лошадь и северный олень. В отношении немногочисленных костей мамонтов существует предположение, что они являются результатом преимущественно собирательства, дополненного, возможно, охотой.

Обилие декоративных предметов (украшений, предметов искусства, утилитарных изделий высокого качества) в археологической практике принято связывать с катастрофическими условиями, в которых памятник был спешно покинут. В отношении Янской стоянки этот тезис не верен, поскольку здесь мы имеем дело с идеальными условиями быстрого захоронения материала на пойме и последующей консервации в условиях многолетней мерзлоты. Более того, можно предполагать, что временному оставлению стоянки сопутствовал некий ритуал. При раскопках выявлен очаг, в центр которого мордой вверх была помещена голова волка (рис. 23), и после этого огонь в нем никогда не разводили. В общей сложности отмечено не менее трех таких случаев (Питулько и др. 2012а).

Сравнение каменной индустрии Янской стоянки с материалами памятников раннего верхнего палеолита Сибири не позволяет прямо указать какой-либо более или менее синхронный родственный или исходный для нее объект. На северо-востоке Азии подобных памятников нет совсем. Известные объекты каргинского времени рассеяны на юге Сибири от Алтая до Забайкалья (Деревяно и др. 2003; Деревяно, Шуньков 2004; Константинов 1994; Лбова 2000; Ташак 2005 и др.). Их орудийные наборы и технологические особенности исключительно разнообразны. В качестве вероятной причины наблюдаемого явления можно назвать разнообразие природных обстановок, свойственное теплым эпохам (Питулько 2010а). Нивелировка природных условий в холодные периоды вызывает, наоборот, заметную стандартизацию материальной культуры. В Сибири это демонстрируют культуры сартанского криохрона, технологической основой которых является идея клиновидного расщепления.

Коллекция Янской стоянки включает в себя три главных компонента. Первый из них — крупные орудия (прежде всего разнообразные скребла, среди которых ведущим типом являются обушковые с корковым или ретушированным обушком, а также лимасы, скребки высокой формы и грубые рубящие орудия) и связанные с их производством технологии долечного и плоскостного радиального расщепления. Двусторонняя обработка известна, но не доминирует. Как правило, двусторонне обработанными являются рабочие края орудий. Морфологически выраженных пластин нет, однако свидетельства использования для получения удлиненных заготовок принципа торцового расщепления вполне выразительны. Второй компонент каменной индустрии Янской стоянки, т. е. микроорудия (скребки, резцы, изделия с притупленным краем, острия), также реализован в отщеповой технологии. Их дополняет большое количество морфологически выразительных долотовидных орудий. Но в целом, в том числе вследствие отсутствия пластин и изделий из них, каменная индустрия Янской стоянки оставляет впечатление архаичности. В отсутствие великолепных

Рис. 23. Янская стоянка, участок Северный. Расчистка очажного пятна в кв. W34. Полный череп волка помещен в его центр мордой вверх, и в очаге более никогда не разводили огонь.

Fig. 23. Yana site. Evidence of ancient symbolic action/ritual. The entire wolf head placed in the middle of the hearth, which had never been lit again.

изделий из бивня и кости, украшений и декорированных изделий различного назначения вывод о замедленном развитии человеческой культуры в данной области земного шара, ее архаичности, был бы вполне справедлив.

Представляется, что данное наблюдение служит, прежде всего, убедительным аргументом в пользу ранее высказанных сомнений в универсальной истинности традиционного постулата об общей прогрессивности пластинчатых индустрий по сравнению с отщеповыми (см., например: Var-Yosef, Kuhn 1999; Egen et al. 2008). Появление пластинчатых (в том числе микропластинчатых) технологий в культуре населения тех или иных регионов связано, по-видимому, с наступлением каких-то внешних событий, влекущих за собой адаптационный ответ (Питулько 2010а; Pitulko, Nikolskiy 2012). Так, анализ распространения тех или иных типов бифасов (типов охотничьего инвентаря) для солютрейских стоянок Западной Европы в связи с картографированием прошлых экологических ниш (Banks et al. 2007) показывает несомненное наличие определенной связи между типом орудий и природными характеристиками реконструированных ниш, такими как норма осадков и температура, которые для каждой такой ниши являются определяющими для видового разнообразия в целом и для разнообразия доступных для промысла животных в частности, в том числе по параметрам физического размера добычи.

На возможный адаптивный характер изменений технологий расщепления в Сибири неоднократно обращали внимание. Т. Гейбл прямо назвал распространение микропластинчатых технологий «микропластинчатой адаптацией» к условиям сартанского криохрона и связал ее появление с распространением охоты на северного оленя как основной промысловый вид (Goebel 2002). Х. Кимура, размышляя о причинах смены (или существенных модификаций) сибирских технологий расщепления за всю историю их существования, приходит к мысли о возможной связи этих изменений с климатическими событиями неоплейстоцена (Кимура 2003 и др.). Разнообразие природных обстановок в теплые периоды, в частности в каргинское время, названо в качестве возможной причины культурного разнообразия памятников раннего верхнего палеолита Средней и Восточной Сибири (Питулько 2006). В этом смысле кажутся весьма перспективными упомянутые выше наблюдения У. Бэнкса с соавторами (Banks et al. 2007) о наличии позитивных связей между формами предметов охотничьего вооружения из солютрейских памятников и спецификой экологических ниш, свидетельствующие в пользу дальнейшего поиска таких закономерностей, в том числе и на макроуровне, т. е., например, в области смены технологий расщепления. Высокая чувствительность технологий расщепления к незначительным по масштабу изменениям климата удачно продемонстрирована на примере раннеголоценовых памятников Аляски (Wygal 2011).

Можно отметить, что в инвентаре янской культуры есть различные формы, находящие точные аналогии в хронологически различных материалах стоянок Приангарья и Енисея — например, пикообразные орудия (рис. 8: 9), подобные изделию из «пластинчатой» Мальты (Sitlivy et al. 1997: fig. 36: 6), где представлены также и дисковидные ядрища (рис. 8: 1, 4), или унифасиальные двуконечные острия (рис. 9: 10), подобные находкам из Игетейского Лога I (Sitlivy et al. 1997: fig. 59: 10). Можно указать и другие черты сходства, например, в категории скребел — обушковые и с вентральной подтеской (рис. 8, 9), которые встречаются в различных памятниках палеолита Сибири исключительно широко. Как представляется, эти одновременные аналогии не случайны и оказываются закономерным отражением как сходства трудовых процессов и внешних условий (т. е. адаптацией материальной культуры человека верхнего палеолита Сибири к природным обстановкам каргинского и сартанского времени), так и свидетельством определенного культурного единства этих территорий.

Ранее отмечалось (Питулько 2010а), что комплекс микроорудий, в особенности острий, идентичных янским находкам, был обнаружен в отдельных горизонтах стоянки Шестаково в Западной Сибири (Деревянко и др. 2003). Возраст этих горизонтов составляет 22 000–21 000 л. н., а сам памятник приурочен к скоплению костных остатков мамонтов вблизи «зверового солонца». Связь комплекса микроорудий на Янской стоянке с обработкой бивня абсолютно достоверна, из чего можно сделать уверенный вывод о конвергентном происхождении этих форм в Шестаково, где также, как считается (Деревянко и др. 2003), люди использовали костные остатки мамонтов или даже добывали этих зверей. Показательно, что проведенное недавно Н. Н. Скакун трасологическое исследование микроострий из Шестаково показало наличие на этих микроостриях следов работы по бивню (личное сообщение Н. Н. Скакун). На основании данных наблюдений ранее было выдвинуто предположение (Питулько

2010а) о связи облика комплексов улущо (Palma di Cesnola 1989), содержащих микроорудия, с обработкой бивня и кости. Не каждый из ансамблей улущо содержит костяные орудия, но в целом уровень умений носителей этого культурного комплекса в плане обработки кости весьма высок (D'Errico et al. 2011), что вполне подтверждает высказанный тезис о функциональной обусловленности формообразования в каменных индустриях улущо. Необходимо отметить в этой связи, что, ранее сопоставлявшаяся с неандертальским населением, эта группа памятников оказывается связанной с анатомически современными людьми (Benazzi et al. 2011), с расселением которых в Евразии и связано наступление «эпохи кости» (Аникович 2003).

Безусловно, появление в материальной культуре тех или иных территорий комплексов микроорудий определяется самыми различными причинами (Hiscock et al. 2011). При этом сходные причины могут вызывать появление идентичных типов, в особенности если речь идет о примерно одной территории, времени и природных обстановках. Видимо, этими обстоятельствами и объясняется сходство между Янской стоянкой и Шестаково в плане комплекса микроорудий.

Далее, янский комплекс находок лишней раз предостерегает от поспешных заключений об архаичности культуры, известной по маловыразительным контекстам, поскольку они могут оказаться лишь верхушкой айсберга, за которой скрывается необыкновенное богатство, разнообразие и совершенство ее подлинного культурного облика. Кроме того, янские находки лишней раз убеждают в том, что недатированные архаичные контексты могут быть совсем не тем, чем они кажутся в хронологическом смысле. Наконец, янские материалы убедительно свидетельствуют о том, что предметы с резцовым сколом не являются непременным атрибутом производства изделий из бивня и кости — их количество на Янской стоянке крайне невелико, что не мешает существовать высокоразвитой технологии обработки бивня, а в планиграфических контекстах, связанных с нею, представлены совсем другие орудия. Весьма интересно, что в намного более поздней Жоховской стоянке, где имеется столь же развитая технология обработки бивня, кости и рога, резцы представлены слабо (Питулько и др. 2012а).

Третий главный компонент материальной культуры обитателей Янской стоянки — изделия из кости и бивня — дает богатую пищу для размышлений. На основе его предварительного анализа могут быть высказаны некоторые предположения относительно происхождения культуры этого памятника и ее месте в общем контексте древностей раннего верхнего палеолита Северной Евразии. В нем присутствуют и утилитарные вещи — например, предметы охотничьего вооружения (острия и форешафты), наборы для шитья (шилья, проколки, иглы), и предметы, обладающие как утилитарной, так и символической функцией (орнаментированные изделия, в том числе диадемы и браслеты, подвески, бусы). Набор охотничьего вооружения Янской стоянки своеобразен и состоит из различных по размеру острий из бивня мамонта — наконечников копий, в том числе, вероятно, метательных. В плане типологии это острия со скошенным односторонне уплощенным основанием. Подобные изделия, наравне с другими, широко распространены в различных по времени памятниках верхнего палеолита Северной Евразии (Smith 1966; Villa, d'Errico 2001 и др.).

Другая группа находок (форешафты) интересна тем, что встречается только в Северо-Восточной Азии, где в палеолите известна в Янской стоянке, но доживает, судя по находкам С. А. Федосеевой, до позднего неолита (Федосеева 1980, 1992), а также в памятниках клонис в Северной Америке, где является одной из характерных черт этой своеобразной культуры (Bradley 1995; Dunbar et al. 1989 и др.). Дальнейшее развитие этой техники приводит к появлению эскимосского гарпунного комплекса (Питулько 2008–2009). Является ли практика охоты с форешафтом в Северо-Восточной Азии и в Северной Америке свидетельством каких-то прошлых культурных взаимодействий, на данный момент не ясно.

Шилья и иглы составляют заметную в количественном отношении группу янских находок. Среди них имеются предметы с «декоративными» элементами. На наш взгляд, они не являются простым украшением. Скорее, для шильев, учитывая регулярность штрихов, нанесенных по краю, можно думать об использовании этих предметов также и в качестве инструментов для измерения кроя. Разнообразие «орнаментации» игл, скорее всего, говорит о том, что на них нанесены знаки собственности.

Серия игл с ушком, полученная при раскопках Янской стоянки, является одной из крупнейших (если не крупнейшей) в палеолите Евразии. Вместе с иглами из слоя 11 Денисовой пещеры на Алтае (Деревянко и др. 2003) и находками из Костенок, относящихся к городцовой культуре (Аникович 2007), находки игл из Янской стоянки составляют на настоящий момент древнейшую группу изделий подобного рода. Иглы из Костенок 15 имеют возраст около 28 000–26 000 л. н. (Синицын, Праслов 1997; Аникович 2003) или чуть древнее, согласно единичному определению возраста, полученному для городцовой культуры (Anikovich et al. 2007: table S5).

Иглы с ушком из Денисовой пещеры происходят из разных уровней, два из которых (уровни 9 и 6) заведомо моложе Янской стоянки (Деревянко и др. 2003), а возраст уровня 11 не вполне ясен. Для него имеется открытая дата >37 235 (СОАН-2504), а в последнее время, в ходе изучения древней ДНК из костных остатков человека, была получена новая серия датировок (Reich et al. 2010: table S12.1). На основании анализа их пространственного положения и стратиграфического контекста считается, что в уровне 11 имеется два компонента, один из которых имеет возраст около 50 000 л. н. или древнее, а второй — верхнепалеолитический с возрастом моложе 30 000 л. н. (Reich et al. 2010: table S12.1). Вероятно, на это мнение и следует ориентироваться при оценке возраста иглолок 11-го слоя Денисовой пещеры.

Несмотря на то что находки игл в памятниках раннего верхнего палеолита Евразии малочисленны, из археологических материалов других памятников совершенно очевидно, что их обитатели широко использовали биконическое сверление или прорезывание отверстий в украшениях (бусах, подвесках из зубов и др.). Следовательно, отсутствие игл в таких объектах — следствие тафономии культурных остатков. Существенно более широкие возможности для поиска аналогий открываются при анализе предметов с неутилитарной (или не только утилитарной) функцией, напрямую связанных с символической деятельностью древнего человека.

В классическом варианте европейской хронологии памятников раннего верхнего палеолита время существования Янской стоянки примерно соответствует рубежу ориньяк-граветт (см., например: Onoradini, Combier 1998; Jacobi et al. 2010 и др.). В эту эпоху, 29 000–27 000 л. н., на евразийском континенте уже существует несколько крупных культурных областей, формирование которых могло начаться около 50 000–40 000 л. н. в связи с расселением в пределах Евразии людей современного вида (Oppenheimer 2004). Эти области опознаются в основном по технологическим и типологическим особенностям каменного инвентаря, однако и то, и другое связано скорее с функциональной и природной предопределенностью, чем с культурными различиями. Последние, с нашей точки зрения, проявляются наиболее ярко в искусстве — личных украшениях, орнаментах, форме украшений. Выделение культурно значимых различий для памятников неолита по орнаменту (часто и по форме, или по обоим признакам одновременно) керамической посуды является общепринятой практикой, а в этнографии их дополняют орнаменты на предметах из недолговечных материалов. На том же основании с этой целью могут быть использованы такие изделия, относящиеся к эпохе палеолита.

Именно в этой сфере человеческой культуры, находящейся на грани духовного и материального, могут быть найдены как связующие, так и противопоставляющие элементы, проявляющиеся как закономерный результат эволюции сложных систем, происходящих от единого корня. Показательно, что дробление области распространения ориньякских памятников Западной Европы на три крупных ареала, предположительно отражающих этнолингвистическую дифференциацию, произведено на основе изучения пространственного распространения личных украшений (Vanhaeren, d'Errico 2006).

Как было показано выше, в коллекции украшений из Янской стоянки широко представлены массовые типы изделий, известные в различных памятниках верхнего палеолита Евразии во все его эпохи — подвески из зубов животных, мелкие бусы из бивня мамонта и кости, пронизки с нарезками. Это серийные формы простейших украшений. В отношении этих предметов можно сказать, что они встречаются практически повсеместно, однако в относительно небольших количествах — например, в Костенках (Абрамова 1962; Abramova 1995), Мальте (Medvedev 1998), Афонтовой Горе (Астахов 1999), Авдеево (Gvozdover 1995) и других, гораздо менее известных памятниках, например, в гроте Бобылек на Урале (Волков и др. 2007).

Исключение составляют комплексы, происходящие из погребений — сунгирские (Бадер 1998; Житенев 2007), моравские (Svoboda et al. 1996), ушковский (Диков 1977, 1979). На стоянках-поселениях в массовых количествах бусы встречаются редко, можно указать только на находки из Юдиново (Григорьева 2003–2004). Технология их изготовления, тем не менее, если и не документирована надежно находками, то угадывается. Все эти изделия, встреченные на памятниках, существование которых охватывает примерно 30 000 лет, изготовлены из различных материалов — часто из разновидностей мягкого камня, из кости, рога северного оленя, бивня мамонта, ископаемой скорлупы яиц страуса. В обзоре находок бус из верхнепалеолитических стоянок в связи с публикацией коллекции бус Юдиново Г. В. Григорьева обратила внимание на то, что в Сибири количество бус из бивня мамонта весьма невелико,

в противоположность памятникам Русской равнины (Григорьева 2003–2004). До недавнего времени данное наблюдение было вполне справедливо.

Присутствие бус всех разновидностей и простейших подвесок в основном в погребальных комплексах невольно порождает миф об элитарности погребенных и эксклюзивности украшений, использованных, возможно, непосредственно для этого ритуального акта. Материалы, добытые при раскопках Янской стоянки, наравне с юдиновскими, где Г. В. Григорьевой описано более 10 000 бус (Григорьева 2003–2004), показывают, что эти простые украшения широко использовались людьми верхнего палеолита в повседневной жизни. Они любили себя украшать, имели для этого достаточно времени и возможностей, а также видели в этом некий смысл, некую символику.

В дополнение к огромной, около 6000 экземпляров, серии бус (рис. 14) в Янской стоянке встречены неутилитарные предметы из камня и янтаря (рис. 13), а также специфические подвески из бивня мамонта. Наиболее важными чертами Янского комплекса украшений, на наш взгляд, являются их планиграфия, технология изготовления, числовые ритмы, взаимосвязь с комплексом материала стоянки.

Произведенный анализ пространственного размещения материала в пределах площади, раскопанной на участке Северный Янской стоянки (Питулько и др. 2012а), в первом приближении позволяет высказать суждение о некоторых планиграфических закономерностях. Так, совершенно очевидно, что при достаточно широком распространении в ее пределах бус обоих типов выделяются концентрации, тяготеющие к площадкам с очагами/очажными пятнами. Подобное вполне нормально для ряда археологических памятников и обсуждаемо для Юдиново (Григорьева 2003–2004), Авдеево (Gvozdover 1995), ряда костенковских стоянок (Рогачев, Праслов 1982), а также, видимо, и других объектов.

На Янской стоянке (раскоп Северный) некоторым из таких площадок при- сущи контексты производства бус и подвесок из зубов животных, с которыми пространственно связаны также области распространения разнообразных микроорудий с притупленным краем и долотовидных (Питулько 2010а) и отходов бивнеобработки, в том числе от тонких операций, в виде мелкой и мельчайшей стружки. Как интересную деталь стоит отметить, что имеется планиграфическое совпадение областей культурного слоя, связанных с производством бус 1-го (простых круглых) и 2-го типов (пронизок с кольцевой нарезкой), а также подвесок из зубов животных.

Полные контексты производства бус из бивня мамонта встречаются редко и, похоже, не найдены нигде, кроме Юдиново (Григорьева 2003–2004) и Янской стоянки. В ряде памятников, впрочем, имеются предметы, которые связываются исследователями с данными процедурами — в Елисеевичах (Хлопачев 2006), Авдеево (Gvozdover 1995), Афонтовой Горе (Астахов 1999), гроте Бобылек (Волков и др. 2007) и других стоянках.

Реконструированные технологии все в целом сходны между собой до определенного этапа. Единственным исключением является технология производства бус из тонких пластинок бивня мамонта, изученная в Юдиново Г. В. Григорьевой (Григорьева 2003–2004). Процесс их производства осуществлялся путем расслоения бивня по конусам роста, в результате чего получались тонкие ромбические или подквадратные мелкие бляшки с прорезным отверстием.

Г. В. Григорьева называет их бусами-нашивками. К сожалению, факт использования их в качестве именно нашивок никак не доказывается, следовательно, так же, как и в остальных случаях (Сунгирь, моравские погребения), — это сомнительное утверждение. Часто упоминаемые в качестве возможной аналогии расшитые бисером изделия народов Севера, известные в этнографической современности, во-первых, далеко не так многочисленны, а во-вторых, расшивка бисером появляется после контакта с европейцами, при этом такое шитье не замещает никаких искони существующих способов украшения одежды, орудий труда, и других изделий. Народы Севера любили и умели украшать свои изделия, однако практиковались повсеместно вышивка (преимущественно подшейным волосом северного оленя), аппликация, окрашивание, трафаретное нанесение рисунка, гравировка, плетение (Иванов 1954, 1963).

В погребениях верхнего палеолита (например, в Сунгире и в Дольни Вистонице) имеются во множестве и бусы, и подвески из зубов, положение которых относительно костных остатков погребенных допускает мысль о нашивном способе их крепления к одежде, однако серьезной доказательной базы в поддержку этого нет. Наиболее вероятна такая возможность для головных уборов, украшенных композициями из зубов животных, однако и здесь существует альтернатива в виде «ожерелья», закрепленного на головном уборе в сборе. Однозначно нашивными украшениями можно считать различные «бусины» или бляшки с двумя отверстиями, которые хотя и нечасто, но встречаются, в том числе, и в сибирских памятниках, в частности в Усть-Канской и Денисовой пещерах (Деревянко, Рыбин 2003).

Прочие известные технологии производства бус, включая янскую, основаны на использовании относительно тонких, специально подготовленных пластинок бивня, расчленившихся на заготовки, в которых либо до этого, как в гроте Бобылек (Волков и др. 2007) и Афонтовой Горе (Ауэрбах, Сосновский 1932), либо после, как в Сунгире (Семенов 1968; White 1997), прорезывались или сверлились отверстия. Интересно, что в ряде случаев эта работа выполнялась односторонним сверлением, тогда как в янской технологии — биконическим.

Те же принципы производства заготовок для бус/подвесок известны в раннем верхнем палеолите Западной Европы (White 1995), однако прилагались к штучной работе, имитирующей формы клыков благородного оленя. Их распространенность во времени и пространстве, соответственно, объясняется универсально-рациональным отношением к задаче, конвергенцией. Тем не менее полный «комплект» технологических шагов, навыков и умений янских людей верхнего палеолита дает основания думать об этой технологии как, возможно, о культурно специфичной.

Бусы из бивня, известные на других памятниках Сибири, Урала, Русской равнины, при всем разнообразии форм (подквадратная, округлая, овальная) и типоразмеров (в основном 10–13 мм по максимальному измерению) имеют нечто общее. Все они плосковыпуклые, с толщиной до 5 мм, самые тонкие (2,5 мм) известны в Сунгире (Бадер 1998; Григорьева 2003–2004). Бусы 1-го типа из Янской стоянки — простые круглые (цилиндрические), имеют в среднем высоту 2,1 мм при диаметре 4,0 мм, т. е. отношение высота/диаметр составляет 1:2. Этот стандарт неуклонно соблюдается и размножается в тысячах копий, при этом бусам путем довольно сложных дополнительных операций придается

цилиндрическая форма. Более того, метрические параметры бус 1-го типа жестко увязаны с таковыми бус 2-го типа (пронизок). Таким образом, обитателями Янской стоянки практиковалась весьма сложная, совершенная технология производства бус из бивня, на настоящий момент не имеющая аналогии в верхнем палеолите Северной Евразии.

Изделия, подобные бусам 2-го типа (пронизки) Янской стоянки, широко представлены в памятниках верхнего палеолита Северной Евразии. Они имеются в Денисовой пещере (Деревянко и др. 2003), Каменке (Лбова 2000), Мальте (Medvedev 1998) и Афонтовой Горе (Астахов 1999), в памятниках Русской равнины (Абрамова 1962; Григорьева 2003–2004; Abramova 1995) и других стоянках. Их размеры довольно разнообразны, а количество не настолько велико, чтобы говорить о следовании какому-либо стандарту. На Янской стоянке такой стандарт есть, он выражается в пропорции 1:2 (длина/диаметр, средние значения 7,5 и 3,8 мм) и, как уже отмечалось, связан со стандартом диаметра бус 1-го типа. Важным, на наш взгляд, является наличие декоративных элементов, нанесенных дополнительно на поверхности пронизок из трубчатых костей мелких животных — для Янской стоянки это, чаще всего, фаланги и плюсневые кости плейстоценового зайца. Пронизки Янской стоянки украшены всегда, кроме двух случаев (две нарезки), только одной кольцевой нарезкой, тогда как предметы из Денисовой пещеры (Деревянко и др. 2003) и Маркиной Горы (Синицын 2005) имеют несколько таких элементов.

Выше было отмечено, что на Янской стоянке бусы 2-го типа заметно (на порядок) уступают количественно бусам типа 1. Их меньше примерно в 20 раз, что указывает на редкость использования этого элемента и, следовательно, его специфичность.

За выявленным для бус Янской стоянки стандартом производства также стоит какая-то смысловая специфика. Понятно, что стандарт бус 1-го типа зависит от диаметра бус типа 2 — проще изготовить требуемое количество бус нужного диаметра, чем подобрать подходящие по диаметру косточки к уже готовым бусам. Однако в таком случае могли бы быть выбраны любые другие трубчатые кости мелкого зверя, и не обязательно зайца — например, песец вполне подошел бы, и его костные остатки представлены в культурном слое. Тем не менее, использовались кости стопы зайца, а более крупные — чрезвычайно редко.

Продолжая разговор о бусах Янской стоянки, нельзя не обратить внимание на числовой ритм, имеющийся в композиции «ожерелья» из кв. J40 (рис. 5 и 6). В нем три бусины 1-го типа (простые круглые) следуют за бусиной типа 2 (пронизкой с кольцевой нарезкой в центральной части), затем рисунок повторяется. Можно считать это чистым проявлением эстетизма, однако можно вспомнить и о том, что В. А. Туголуков (1979) пишет о системе счета юкагиров, обитающих на севере Яно-Индибирской низменности с давних пор. Юкагирская система счета весьма необычна, ее основой служат цифры 1 и 3. Пятерка также известна, как и у многих других народов. Она присутствует практически во всех системах счета, как справедливо указывал О. Н. Бадер (1998), однако в юкагирской системе заметной роли не играет — она просто есть, как пять пальцев на руке. Все числа, кроме числа «пять», у юкагиров образуются из комбинаций троек и единиц.

Бусы из ожерелья в кв. J40 также содержат ритм один-три. Более того, пронизка с нарезкой зрительно выглядит как две расположенные рядом простые круглые бусины. Таким образом, предметов в одном звене ритма четыре, но обозначают они «пять». Безусловно, оппонентами может быть поднят вопрос о том, в какой мере корректно сравнивать юкагирскую систему счета, известную в исторической современности, с объектами доледникового возраста. Действительно, глубина разрешающей способности сопоставления археологических и этнографических данных является величиной неизвестной. В то же время, существуют многочисленные примеры, допускающие мысль о том, что некоторые базовые представления, закрепленные в символическом поведении человека, могут существовать на протяжении первых десятков тысяч лет (Schuster, Carpenter 1996). В правомерности подобных утверждений убеждает, в частности, сравнительный анализ северо-евразийских и американских мифологий, проведенный Ю. Е. Березкиным (2007) в связи с проблемой заселения Нового Света. В минимальном хронологическом выражении время миграции в Новый Свет из Сибири может быть оценено около 14 000–13 000 л. н., и, стало быть, собранный за последние 100–150 лет фольклор определенно существовал на протяжении всего этого времени. Таким образом, параллель между юкагирской системой счета и числовым ритмом «один-три», прослеживаемым по материалам Янской стоянки, представляется вполне допустимой.

Еще одной важной чертой комплекса изделий, представленного бусами 1-го и 2-го типов, является обычай нанесения на них красного красителя. Операция, скорее всего, повторялась неоднократно. Практически все бусы имеют его следы (чаще всего изнутри, однако и наружные стороны сохраняют достаточно краски для того, чтобы ее увидеть, особенно на влажных предметах). Аналогичные действия отмечены исследователями на ряде памятников Алтая и Сибири — Кара-Бом и Малояманская пещера (Деревянко, Рыбин 2003), Хотык, Подзвонкая (Ташак 2009), Каменка и Варварина Гора (Лбова 2000). Необходимо отметить, что Янская стоянка с возрастом около 28 000 л. н. является среди них наиболее молодым памятником, относящимся к концу раннего верхнего палеолита региона, или к самому началу его средней стадии. Подчеркнем, что А. П. Деревянко и Е. П. Рыбин (2003), впервые отметившие распространение окрашенных украшений на Алтае и юге Сибири, в Байкальской области, обращают внимание на связь этих предметов с контекстами пластинчатых индустрий, в том числе очень ранних. Каменная индустрия Янской стоянки имеет ярко выраженный отщеповый характер.

В Европейской части России подобные проявления символического поведения людей верхнего палеолита не описаны и, следовательно, их можно трактовать как выражение макрорегиональной специфики, связанной, вероятнее всего, с общностью населения, практиковавшего этот обычай. В то же время, наблюдения Р. Уайта (White 1989) указывают на возможную технологическую связь между присутствием в археологических контекстах «охры» и производством изделий из бивня. В этом процессе охра могла, как и теперь, применяться для чистовой полировки изделий.

В массовых количествах «охра» встречается, как правило, в погребениях, в связи с чем этот факт неизменно рассматривается как свидетельство развитой символической деятельности. Красный цвет «охры» ассоциируют с символикой огня, крови, жизни, сложными представлениями о загробной жизни

и пр. Видимо, уже невозможно установить, кто первым придумал это, но данная ассоциация закрепились в качестве интерпретационного штампа. Однако применение охры в погребальных ритуалах имело, возможно, иной, абсолютно практический (с точки зрения тех, кто из проводил) смысл.

В ходе работ на Янской стоянке их участники, ежедневно сталкивающиеся, с одной стороны, с мелкими комочками и примазками красной краски, рассеянной в культурном слое, а с другой стороны — с кровососущими насекомыми, обратили внимание на то, что участки кожи, натертые красной краской из слоя, никогда не подвергаются атакам кровососов. Они даже не пытаются сесть на такой участок. Дело здесь, видимо, в изменении теплофизических свойств кожного покрова, в результате чего насекомое теряет способность к «наведению на объект». Таким образом, это был, возможно, древнейший репеллент (просто измазать лицо и руки грязью недостаточно, она плохо держится и сушит кожу, а жир, входящий в состав краски, как раз предотвращает и то, и другое). В областях земного шара, где есть ежесуточное чередование темного и светлого времени, нанесение красной краски на лицо или тело (в теплых краях) может быть полезным еще и в темное время суток, поскольку красный цвет в темноте не виден. Эти свойства красной краски были, безусловно, хорошо известны тем, кто ее производил. Им также было прекрасно известно, что происходит с мертвым телом. Оно разлагается, его пожирают насекомые, черви, личинки. Таким образом, желание предохранить покойного от укусов тех, кто мог попытаться добраться до его плоти, вполне могло быть побудительным мотивом для использования «охры» в погребальном ритуале. Стремление сохранить своих мертвых было свойственно человеку во все времена — по этой причине позднее, в том числе в Сибири, практиковалось бальзамирование, определенно использовалась мерзлота, а в отдельных случаях она намеренно создавалась локальными пятнами на основании знаний о формировании так называемых «гольцовых льдов»; возможно, непомерно глубокие могильные сооружения на юге Сибири и в Монголии создавались с той же целью — приблизиться, насколько возможно, к многолетнемерзлоте горизонту (следует иметь ввиду также, что пространственное распространение многолетнемерзлых пород и положение их кровли неоднократно менялись на протяжении последних 15 000 лет). В этой связи сделанное выше предположение о причине использования охры в погребениях кажется не лишним смыслом.

Другая категория массовых находок личных украшений представлена на Янской стоянке подвесками из зубов животных. Они весьма интересны в видовом отношении: полностью преобладают зубы крупных травоядных (а среди них северного оленя), тогда как зубы хищных встречаются в незначительном количестве, хотя в фаунистическом материале стоянки их останки представлены неплохо, имеются и целые волчьи черепа (рис. 23). В целом, подвески из зубов — это вполне обычная разновидность украшений, широко представленная в памятниках верхнего палеолита Северной Евразии (Абрамова 1962; Бадер 1998; Abramova 1995; Gvozdover 1995; Svoboda et al. 1996), в том числе и Сибири (Астахов 1999; Деревянко, Рыбин 2003; Medvedev 1998).

В обзоре материалов Восточной Европы В. С. Житенев обращает внимание на то, что в памятниках раннего и среднего палеолита на этих территориях заметно преобладают подвески из зубов песца/лисицы (Житенев 2007:

табл. 1). Примерами могут служить Сунгирь, где таких подвесок известно более 200, Костенки 15 (около 180 экз.) или Авдеево (175 экз. — Старый объект, 145 экз. — Новый). Стоянок, в материалах которых такие изделия представлены десятками, также довольно много — Зарайская, Костенки 4, 14, 17, Хотылево II, Авдеево и др. На основании планиграфии находок в погребениях Сунгирия и Дольни Вистонице В. С. Житенев предполагает, что порядок использования подвесок из зубов животных связан, прежде всего, с головными уборами и поясами. Это вполне возможно, однако, как уже было отмечено в отношении бус, требует специальных доказательств, поскольку «ожерелья» из клыков песца/лисицы могли быть нашиты на головной убор в сборе, либо помещены в могилу непосредственно во время акта погребения и размещены соответствующим образом. В то же время, пояса с расшивкой зубами животных известны этнографически на западе Аляски (Fitzhugh, Kaplan 1982) и на Чукотке в материальной культуре эскимосов (Степанова 1949). И в том, и в другом случае использовались передние зубы северных оленей, снятые вместе с кусочком челюсти и пришитые к основе пояса в сборе.

Тем не менее в анализированных В. С. Житеневым (2007) выборках налицо сознательный выбор определенных классов зубов песца/лисицы. Следовательно, людьми верхнего палеолита Русской равнины сбор материала для «украшений» осуществлялся на основании каких-то смысловых значений создаваемой композиции. Подчеркнем еще раз, что в янских материалах травоядные, а среди них северные олени, полностью преобладают, что также является несомненным признаком сознательного символического поведения. В материалах прочих памятников верхнего палеолита Сибири подвески из зубов животных хотя и присутствуют, но малочисленны. По этой причине трудно говорить о резком преобладании среди них зубов травоядных, хотя такое впечатление складывается. Если это действительно так, то возникает довольно интересная ситуация: в европейских памятниках в числе украшений заметно преобладание зубов хищных, в Сибири же с той же целью использовались зубы травоядных. С чем связано данное различие, остается неизвестным.

Говоря об особенностях планиграфического распространения подвесок из зубов животных, В. С. Житенев обращает внимание в числе прочего на так называемые «кладки» из заготовок, отмечая при этом, что не всегда можно с уверенностью трактовать эти скопления как разовый намеренный акт, поскольку происходят они из полузакрытых или открытых комплексов. В качестве примеров, тем не менее, приведены скопления из Авдеево (либо по 29, либо 14 зубов) и из Зарайской стоянки (32 зуба). Скопления заготовок для подвесок из зубов, обнаруженные при раскопках Янской стоянки, всегда включают в себя семь предметов; таких скоплений обнаружено пять, в четырех из них были собраны резцы северного оленя (в двух случаях молочные).

Можно предполагать, что сверленные подвески из резцов травоядных входили преимущественно в какие-то композиции. Для индивидуального ношения, подобно изделиям из минералов и некоторым костяным (рис. 17), были предназначены подвески с нарезками в корневой области (рис. 14). На основании находок групп подвесок и их заготовок, в которых с заметной повторяемостью представлено по 7 предметов, можно говорить о том, что число «семь» имело в жизни янских людей определенное значение.

Про магию числа «семь» написано огромное количество работ. Нет ни одной религии мира, где семерка не играла бы заметной роли, и ни одного народа, в фольклоре которого она не была бы обыграна как фактор удачи, осторожности и т. д. Существует и обширная археологическая литература на эту тему, в которой обсуждаются истоки этой магии. Ф. Энгельс однажды заметил, что из точных наук в древности развивалась «сперва астрономия» (Энгельс 1961: 500). Не вполне понятно, как именно ему удалось установить последовательность обретения человечеством фундаментальных знаний об окружающем мире, однако точно известно, что эта идея была благодарно воспринята как руководство к действию и творчески развита первоначально в советской, а затем и в российской историографии. Наиболее яркими представителями данного направления являются Б. А. Фролов и В. Е. Ларичев. Поиск астрономических знаний продолжается (Бродянский 2003; Дворянинов 2006; Ларичев 2003 и др.), но, хотя это по-своему увлекательно, мы не станем обсуждать в данный момент ни достоверность выводов, ни материал, привлекаемый для их обоснования.

Б. А. Фроловым (1974) была предложена гипотеза о происхождении «ритма семь», а затем и «магической семерки» в палеолите из наблюдений людей за Луной с последующим выделением времени (семь дней) одной ее фазы. Это сильное заключение, предполагающее созерцательность природы людей палеолита, наличие у них достаточного количества свободного времени, а также хорошие метеоусловия для наблюдений, характерные для проживания во внеполлярной области. Но люди жили и за Полярным кругом, а там на протяжении значительного времени (в полярный день) Луну видно не очень хорошо (начинает появляться после дня летнего солнцестояния), а в остальную часть года видно не всегда, потому что пурга на 10–14 дней — явление в тех краях вполне ординарное.

Не только Э. Б. Фролов и В. Е. Ларичев любят рассуждать о древних календарях, вычисляя ход времени по Мальтинской бляхе, по которой, при желании, можно вычислить и конец света. Следует упомянуть, что для нее предложена недавно вполне реалистичная трактовка орнамента как наглядного пособия по разделке шкур/кож на ремни (Прието, Карденас 2005–2009). Возвращаясь к теме календаря, нельзя не вспомнить о календаре юкагиров, поскольку этот маленький арктический народ до русской колонизации оставался практически не затронут цивилизацией. Сведения о календарных знаниях юкагиров, собранные В. И. Иохельсоном в 1901 г. на севере Яно-Нидигирской низменности, весьма наглядно подвергают сомнению достоверность календарных вычислений по артефактам эпохи палеолита. В. И. Иохельсон (2005) пишет, что «они исчисляют больше времен года, чем мы». Всего их насчитывают шесть, и границы этих сезонов вряд ли соответствовали в прошлом какой-либо фиксированной дате. Они не считают дней в году, а также недели, и у них не было названий дней недели. Времен года у юкагиров шесть, среди них лето, осень, зима и три весны (1-я, 2-я, 3-я, после которой вновь наступает лето). Начало года считается от (примерно) летнего солнцестояния. Справедливости ради, следует отметить, что понятие месяца у юкагиров имелось, и это был лунный месяц (в году — двенадцать, но это мало о чем говорит, поскольку даже римляне до введения юлианского календаря обходились календарной системой, в которой месяцев было десять).

Таким образом, юкагиры создали типичный календарь, привязанный к хозяйственному циклу и местной фенологии (соответствует ей в точности, по многолетним личным наблюдениям авторов), обычный для этнических групп, в исторической современности практиковавших систему хозяйства, до некоторой степени подобную верхнепалеолитической. Ни количество дней, ни даже количество недель в таких календарных системах значения не имеет. Именно так обстояли дела и в верхнем палеолите, поэтому вычисление лунных месяцев и недель по узорам на артефактах — просто игра ума.

Тем не менее магия семерки существует и существовала всегда и везде. Рациональное объяснение этому феномену нашел, на наш взгляд, Дж. Миллер (Miller 1956). Оно основано на физиологии и принципах действия человеческой памяти, т. е. психофизиологически обусловлено. Магическое число семь плюс-минус один или два связано со способностью удерживать в оперативной памяти объекты, явления, понятия. Оптимальное число — семь, по сей причине и чудес света — семь, и в меню компьютерных программ — семь пунктов, магия семерки находит применение в правилах управления персоналом и т. д. (см., например: Букалов 1999; Скопылатов, Ефремов 2000). Вряд ли люди Янской стоянки знали столь глубоко свойства человеческого мозга, но считать они определенно умели. Ритм числа «семь», скорее всего, также связан с какими-то счетными операциями. Он может являться мнемоническим средством либо неким символом.

Можно попытаться определить его смысл, обратившись ко всей совокупности данных о личных украшениях, рассматриваемых в настоящей работе, и к некоторым общеизвестным фактам. Прежде всего, следует обратить внимание на фаунистический материал Янской стоянки, в котором одним из наиболее массовых промысловых видов (если не самым массовым) является северный олень (Pitulko et al. 2004, Питулько 2010а). Далее, отметим, что в состав краски, производившейся на стоянке, входит жир этого животного, и его же зубы используются наиболее часто для изготовления подвесок. Зубы хищных представлены минимально, волка — крайне редко. В то же время, на стоянке известны его остатки, в том числе полные черепа, установленные мордой вверх в центре кострища, никогда более не использовавшегося (рис. 23). Таких случаев три, что говорит о специфическом ритуальном/символическом поведении янских людей, оставлявших голову волка в качестве знака (?), возможно, демонстрирующего их право на территорию.

Возможным предположением, в таком случае, будет отождествление этих людей с волками. Волк — злейший естественный враг северного оленя, поедает его, и охотится, во всяком случае зимой, стаями. Он обладает также привычкой выть на Луну или просто на небо, на котором в северном полушарии отлично видно созвездие, которое мы называем Большой Медведицей (а в нем, кстати, семь звезд, и в северной области земного шара оно тысячелетиями служило в качестве одного из главнейших навигационных средств). Люди, практикующие коллективную охоту на северных оленей, вполне могли найти ассоциативную связь между поведением волков и своим собственным. Возможно, они и называли себя «народ волка».

Помимо простейших типов личных украшений, рассмотренных выше, в коллекции Янской стоянки имеются группы предметов, далеко не столь массовые,

но также широко распространенные во времени и пространстве. В хронологическом плане их аналогии в основном укладываются в эпоху, предшествующую последнему ледниковому максимуму.

Так, круглые кольцеобразные подвески (подвески типа Куртак) встречаются в Сибири, помимо Янской стоянки, в памятниках Куртак 4 в Минусинской котловине, где относятся ко времени ~26 000 л. н. (Лисицын 2000), а также в стоянке Хотык в Забайкалье (Ташак 2009). В слое 3 этого памятника найден фрагмент подобного кольца, изготовленного из мягкого камня. Возраст горизонта определяется в интервале от 34 000 до 26 000 л. н. Различную степень сходства с янскими имеют находки из Денисовой пещеры (Деревянко и др. 2003), стоянки Каштанка I (Абрамова 1995), Усть-Кова (Васильевский и др. 1988), при этом только Каштанка I существенно моложе Янской стоянки. Известны такие предметы и за пределами Сибири — например, в ориньякском комплексе стоянки Спи, Бельгия (Vanhaeren, d'Errico 2006).

Другая группа находок из Янской стоянки — обобщенные зооморфные фигурки, в большинстве своем изображающие, очевидно, мамонтов и бизонов, на наш взгляд, во многом подобны схематизированным изображениям животных из известняка, широко представленным в Костенках 1, 4 и 11 (Абрамова 1962), а в Западной Европе известным в гроте Истюриц (Абрамова 2005). Упомянутые костенковские статуэтки на несколько тысяч лет моложе янских, но находка из Истюриц относится к слою типичного ориньяка. Известны подобные предметы и в других европейских комплексах, близких по времени к Янской стоянке или чуть более молодых (Абрамова 1962, 2005). Степень детализации этих изображений различна.

Многие из них являются весьма обобщенными. Это, как правило, небольшие изделия. Наиболее близкой к янским находкам в стилистическом отношении является группа скульптурок из Костенок 11. Они имеют плоское основание, а их размерность часто весьма близка янским скульптуркам и составляет, по максимальному линейному размеру, примерно три сантиметра. Примечательно, что подобные изделия могут быть как единичными (в большинстве памятников, где такие находки известны), так и серийными, как в Янской стоянке и в Костенках 11, при этом серийные находки отличаются большей степенью обобщения образа.

Можно было бы считать это простым совпадением, но невольно приходят на память диски из бивня — с отверстием в центре, как в Мальте (Medvedev 1998), Костенках (Абрамова 1995), стоянках Моравии (Svoboda et al. 1996), гроте Истюриц и Ложери-Бас (Taborin 2004), или прорезные, как в Сунгире (Бадер 1998). Эти изделия скорее всего семантически идентичны и, как писал О. Н. Бадер, очевидно, связаны с символикой солнца (Бадер 1998). Похожие на них изделия представлены и гораздо позже, в памятниках неолита Евразии. Фактически же диски с отверстием в центре (часто с радиальным орнаментом и/или гравированными изображениями) существуют вплоть до этнографической современности, являясь традиционным символом солнца и неба. В Сибири они известны как часть шаманского костюма. В отношении прорезных дисков можно отметить, что они имеются в традиционном головном уборе нганасан и их положение в нем идентично положению прорезного диска в правой височной области черепа мальчика в знаменитом парном погребении в Сунгире (Khlobystin 2005).

Сибирские орнаменты, украшения и детали костюма различных народов Сибири, на наш взгляд, вообще исключительно информативны при сравнении с ними янских находок. Так, орнаментация фрагмента тонкостенного объемного предмета (рис. 13: 5) в точности совпадает с юкагирским орнаментом (рис. 24: 2) на коробочке для шитья с той лишь разницей, что пояс, составленный из отчетливо антропоморфных элементов в виде литеры «А», оказался со временем трансформирован в зигзаг. По В. И. Иохельсону, орнамент на «коробочке» — смысловой и отражает некие взаимоотношения мужчины и женщины (Иохельсон 2005). Ряды антропоморфных изображений, более или менее узнаваемых, принято интерпретировать как изображения, связанные с шаманством (Жеребина 2009). Они широко представлены в этнографии кетов, селькупов, эвенов и некоторых других народов Сибири. Такие изображения помещались на головных уборах, поясах, парках, нагрудниках (Иванов 1954, 1963). Представляется, что вывод о возможном наличии шаманского культа на Янской стоянке не должен показаться необычным.

Эвенкский шаманский костюм (Бурыкин 2007: 114, 132) содержит также украшения, аналогичные знаменитым скульптурам птиц из стоянки Мальта (Абрамова 1962). Обычно их интерпретируют как изображения лебедей (Medvedev 1998), но это, несомненно, гагары, причем летящие — длинная шея, веретенообразное туловище и кажущиеся короткими из-за быстрого маха крылья создают хорошо узнаваемый образ. Если лебедь просто водоплавающая птица, то гагара — ныряльщик, и это имеет смысл с точки зрения мифологии народов Севера Евразии (Напольских 1991; Березкин 2007).

Список «совпадений» продолжают нашивные бляшки с двойным отверстием из Усть-Канской пещеры в Сибири (Деревянко, Рыбин 2003) и в ориньякском памятнике Холе Фельс в Южной Германии, а также еще более ранние пронизки с кольцевыми или спиральными нарезками из Костенок 14 (Маркина Гора) в центре Европейской России и из Денисовой пещеры на Алтае (Синицын 2005). Орнамент из кольцевых или спиральных нарезок распространен чрезвычайно широко, в том числе в памятниках раннего верхнего палеолита Евразии. Безусловно, его можно считать одним из простейших усложненных орнаментов, и именно по этой причине он мог бы появиться независимо в Костенках и на Алтае. Прямой связи (т. е. горизонтальной, в пределах хронологического среза, или оформленной на уровне физических контактов) между появлением тех или иных типов украшений и/или орнаментов раннего верхнего палеолита в удаленных друг от друга географических областях нет. Тем не менее удаленные территориально и хронологически аналогии могут говорить об общих глубоких корнях культур населения верхнего палеолита Северной Евразии.

В памятниках ориньякского времени во множестве представлены личные украшения из десятков видов морских ракушек. Однако помимо собственно ракушек, использованных в качестве украшений, достаточно широко встречаются и их имитации. Так, известны подвески из бивня мамонта, повторяющие форму, размер и рисунок поверхности раковин *Nassarius* sp. (White 1989, 1995). Так называемые *basket shaped beads* из бивня и мягкого камня, форма которых воспроизводит форму раковин *Cyclopea neritea*, являются одним из наиболее распространенных типов личных украшений раннего верхнего палеолита Европы (Vanhaeren, d'Errico 2006). Помимо имитаций раковин известны имитации резцов оленей, также имеющие широкое распространение, в том числе и на

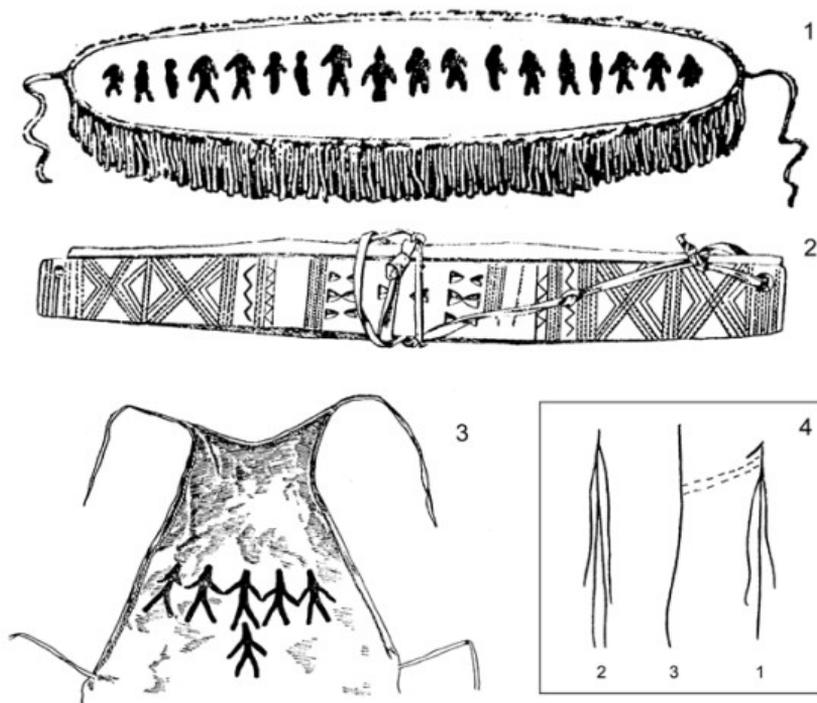

Рис. 24. Возможные этнографические параллели для некоторых орнаментальных композиций, обнаруженных на предметах из Янской стоянки: 1 — шаманский пояс, селькупы (Иванов 1954); 2 — резная деревянная коробочка для шитья, юкагиры (Иохельсон 2005); 3 — шаманский нагрудник, юкагиризованные эвенки (тунгусы) (Иванов 1954); 4 — пример юкагирского пиктографического письма на бересте (Жукова 1988). Замечание: все изображения внемасштабные (детали шаманского костюма, деревянная коробочка, рисунок).

Fig. 24. Possible ethnographic parallels to some designs found on the artifacts from the Yana site: 1 — Selkup shaman's belt (after Ivanov 1954); 2 — Yukaghir wooden container (after Iochelson 2005); 3 — Yukaghirized Even/Tugus shaman's pinafore (after Ivanov 1954); 4 — example of Yukaghir pictographic writing, birch-bark (after Zhukova 1988). Note: all images are out of scale (shaman's coat parts, wooden box, and a drawing).

памятниках Русской равнины, а качество имитации настолько высоко, что позволяет понять, какой именно резец послужил образцом (Житенев 2007). Среди орнаментов на подвесках, диадемах и браслетах встречается рисунок из поперечных параллельных друг другу борозд, который, на наш взгляд, имитирует рисунок жевательной поверхности коренных зубов мамонта. Такой рисунок известен в западноевропейских памятниках (Taborin 2004), имеется он и в материалах Янской стоянки (рис. 13: 4). Подвеска из Плакар (Taborin 2004), изготовленная из бивня, повторяет также и форму поверхности зуба мамонта. Как представляется, семантическая связь между материалом и рисунком в данном случае вполне оправданна.

Археологическим орнаментам, их семантике и причинам возникновения посвящено огромное количество литературы. Анализ имеющихся точек зрения, сам по себе увлекательный, не входит в задачи данной работы. В удачном обзоре Ю. Б. Цетлина (Цетлин 2004) все их разнообразие сведено к четырем основным позициям — символическое отражение окружающей действительности, инстинктивное стремление к прекрасному, информационная необходимость, технологическое начало. Все они, за исключением аристотелевского врожденного эстетизма, приемлемы и по-своему правомерны, поскольку вряд ли истоки предметной изобразительной/символической деятельности были единообразны во всех уголках обитаемого мира.

В нашем понимании, искусство раннего верхнего палеолита Евразии (в том числе и ориньякское) было в основе своей имитационным, повторяющим форму и рисунок естественных предметов. При выходе людей за пределы ареала распространения тех или иных видов раковин, употребление которых в качестве украшений успело приобрести кодирующую функцию, появлялась потребность в производстве имитаций. В процессе их создания происходил постепенный отрыв рисунка от его естественного прототипа, и он становился символом, абстракцией.

Одним из возможных путей развития способности к абстракции могла послужить ежедневная практика наблюдений в ходе охотничьей деятельности. Так, следы на снегу являются символом в чистом виде, поскольку животного, оставившего их, в поле зрения нет. Следовые отпечатки различны по видам и, кроме того, индивидуальны, а знание о звере, оставившем их, основывается, с одной стороны, на непосредственном наблюдении символа, а с другой — на прошлом опыте встреч с существами, остающимися именно такие следы. Для знающего человека они чрезвычайно информативны, поскольку позволяют не только опознать вид зверя по его следу, но и понять его физические характеристики, направление движения, состояние, оценить намерения. Наконец, цепочки следов необыкновенно красивы (любопытно, кстати, что среди них преобладают линейно расположенные парные отпечатки). Повседневное повторение этого опыта не могло не привести, с течением времени, к замене процедуры копирования образца (следового отпечатка, формы зуба или рисунка витой верхушки раковины моллюска) копированием самой идеи передачи информации в символической форме.

Популярный орнамент из парных точек на диадемах и браслетах, известный в различных европейских стоянках верхнего палеолита (Abramova 1995), а в Сибири — на диадемах из Мальты (Medvedev 1998) и Янской стоянки, скорее всего, обязан своим появлением природной наблюдательности людей раннего верхнего палеолита, их склонности к эстетизму и развитой способности к абстрактному мышлению. Появление кольцевых и спиральных орнаментов (а также стерженьков со вздутиями), по-видимому, может рассматриваться в том же контексте.

Среди морских раковин, использовавшихся в раннем ориньяке в качестве личных украшений, заметную группу составляют раковины *Eptonius* sp., *Potamidites* sp., *Turritella* sp. и другие (Vanhaeren, d'Errico 2006). Их общим признаком является наличие относительно длинной верхней части, закрученной

спиралью. Копирование этого образца, начиная с первого этапа расселения людей современного вида в пределах Евразии, привело к его практически повсеместному распространению. Будучи распространен в памятниках Европы и Европейской России, в том числе и в древнейших памятниках раннего верхнего палеолита (Синицын 2005), этот орнамент представлен в Сибири находками из Денисовой пещеры (Деревянко, Рыбин 2003) и Янской стоянки (рис. 13: 9, 10, 14). Плоскостная развертка спирального орнамента, кстати, дает волнообразный рисунок, также достаточно широко распространенный в памятниках раннего верхнего палеолита. Волнообразные линии или зигзаги обычно интерпретируются как символ воды, хотя, например, у юкагиров, обитающих в арктической области, орнамент из зигзагов известен как «северное сияние» (Туголуков 1979).

Зигзагообразный орнамент также представлен в материалах Янской стоянки. Он плотно покрывает поверхность большого ковша из бивня мамонта (рис. 18). О широте распространения таких орнаментов свидетельствуют находки сходных рисунков из Ложери-Бас (Tabořin 2004), Мезина (Abramova 1995), Авдеево (Gvozdover 1995), Костенок 1 (Абрамова 1962), Сунгиря (Бадер 1998). Техника его исполнения весьма различна и представлена нарезками, пикетированием и прокрашиванием. Скорее всего, это действительно один из наиболее древних и информационно значимых рисунков, указывающий на происхождение культур раннего верхнего палеолита Евразии от одного корня.

Среди орнаментированных фрагментов бивня и, в отдельных случаях, крупных костей мамонта, найденных на стоянках Евразии (Maršhak 1972; Abramova 1995), сюжетных изображений, за исключением Янской находки, нет. Подавляющее большинство гравировок, кроме того, существенно моложе, и имеет возраст менее 20 000 л. н. Даже бивни с рисунком, найденные в Павлове (Klima 1988) и в Пржедмости (Svoboda et al. 1996), несколько моложе янских. Эти гравировки часто интерпретируют в качестве карт (Klima 1988; Abramova 1995; Svoboda et al. 1996), хотя указывают и на их ритуальную функцию. Все они различны, но в то же время необходимо отметить, что все изделия этого рода имеют более или менее сходные размеры (в пределах 15–25 см) и их удобно держать в руке. Общей чертой этих изделий также является деление поверхности на две равные части путем нанесения коротких поперечных штрихов. Сложность орнамента или рисунка может быть различной, но чаще всего это изделия со сложной абстрактной орнаментацией или стилизованными изображениями (Maršhak 1972).

От них резко отличается бивень с зарубками, найденный при исследованиях в Мамонтовой Курье (Pavlov et al. 2001; Svendsen, Pavlov 2003 и др.). Прежде всего, он принадлежит к иному размерному классу. Это примерно полуметровый кусок бивня с глубокими (1–2 мм) зарубками на одной из сторон, которые трудно воспринимать как отражение некоего творческого акта, что признают и сами исследователи (Svendsen, Pavlov 2003: 119). В лучшем случае это свидетельство каких-то технологических операций, возможно, не связанных с обработкой бивня, или, например, счетных операций. Время их появления на бивне также не вполне понятно. Учитывая довольно сложную геологию Мамонтовой Курьи, возраст которой переоценен (Pitulko et al. 2011), дальнейшее обсуждение этой находки в данном контексте будет, видимо, излишним.

О назначении бивней с гравированными рисунками можно только гадать, однако янский бивень (рис. 21), несомненно, содержит мнемоническую запись какого-то реального или мифологического события. Содержание этого сюжета можно рассматривать как вариант (?) мифа о Божественных Близнецах (Ward 1968), одного из древнейших мифологических сюжетов, известных человечеству. Этот предмет также может быть связан с шаманским культом, который, возможно, существовал у обитателей Янской стоянки. Время возникновения шаманских культов неизвестно, однако часть ориньякских фигуративных изображений из памятников юго-западной Германии (Фогельхерд, Гайзенклостерле, Холеншталь-Штадель) заведомо более глубокого возраста, чем янские, рассматриваются в этом ключе (Dowson, Porr 2001). Возможность существования шаманских культов не отрицается и для среднего палеолита (Mussi et al. 2000). Высокий уровень развития символической деятельности, очевидный для Янской стоянки, делает допустимым подобное предположение и для этого памятника.

Несмотря на то что никаких археологических аналогий изображениям на янском бивне не может быть указано, и можно даже сказать, что ничего отдаленно похожего на них не известно, некоторые параллели им можно обнаружить в фольклоре юкагиров. Они, несомненно, являются древнейшим аборигенным народом арктической Сибири, поскольку жили там задолго до прихода эвенков, русских и, тем более, якутов. Время первоначального появления этнических или протоэтнических юкагирских групп с точки зрения геохронологической шкалы оценить невозможно. Однако можно косвенно оценить объем времени, в течение которого потенциально могут существовать в узнаваемом виде мифология и фольклор.

Так, Ю. Е. Березкиным (2005) методом этнолингвистики проведен сравнительный анализ североевразийских мифологий с североамериканскими. Момент их разделения, на основании современных представлений о времени заселения Нового Света, можно оценивать на уровне 14 000–13 000 л. н., в любом случае — не моложе 9000 л. н. Это довольно большое время, хотя и несопоставимое с возрастом Янской стоянки. Во всяком случае, это минимально возможный интервал, который может быть оценен на основании достоверно датированных археологических объектов и палеогеографических событий. Хорошо известные изображения птиц из Мальты имеют возраст около 20 000 л. н. или чуть больше (Сулержицкий 2004), однако достоверность соотнесения их с важными элементами мифологии народов уральской языковой семьи сомнений не вызывает (см., например: Напольских 1991), а это уже близкое значение возраста. В области расселения этих народов имеются и промежуточные хронологически изображения водоплавающих птиц (Корабельников, Москвин 2004).

Уже в период проведения экспедиционных работ В. И. Иохельсона, в 1895 и 1896 гг., юкагиры были вымирающим народом. Экспедиция АН СССР 1958 г. не прибавила существенных знаний об этом арктическом этносе. По этой причине труд Иохельсона, впервые изданный в 1926, остается лучшим источником по этнографии юкагиров. В этой работе (Иохельсон 2005) систематизировано несколько десятков мифов и рассказов. Наряду с прочим, В. И. Иохельсон отмечает, что мифология юкагиров состоит из разрозненных сюжетов, среди которых отсутствуют космогонические сказания (хотя бы основанные на библейских сюжетах, что стало обычным в Сибири после принятия аборигенами

православия). Иохельсон связывал эти обстоятельства с угасающим состоянием этого народа и распадом его на отдельные локальные группы. В этих условиях полноценная мифология не могла бы сохраниться, и исследователь заключил, что он имеет дело с ее фрагментами.

В работе В. И. Иохельсона на основании анализа мифологических рассказов юкагиров выделен их древний пласт. Он включает в себя 27 сказаний. В 10 из них действуют мифические Старики (Старик и Старуха) — гиганты, играющие важную роль в жизни обычных людей. Ни одна из легенд не объясняет, откуда они взялись, отсутствует у них и легенда о сотворении мира (в любом виде). В принципиальном отношении это может быть отголосок мифа о Божественных Близнецах, но может быть и что-то иное. Для нас в данном случае важно, что, возможно, на янском бивне (рис. 21) изображен какой-то сюжет, связанный с этими великанами, на что может указывать, в частности, диспропорция между центральной парой антропоморфов и их группой, расположенной выше по рисунку.

Необходимо отметить также, что стилистически близкие антропоморфные изображения имеются на юкагирских пиктограммах, называемых «тос» (*tos*). Образцы юкагирского пиктографического письма на бересте, собранные в конце XIX столетия С. М. Шаргородским (1895) и В. И. Иохельсоном (2005), делятся на сюжетные и картографические композиции и на частную переписку между мужчинами и женщинами. Последняя оформляется путем комбинирования ряда символов, употребление и положение которых в рисунке имеет смысл. Это разнообразные линии и штрихи, однако главными в такой композиции являются один или два крупных антропоморфных образа, аналогично рисунку на бивне. Образцы таких символов, взятые из юкагирских пиктограмм, приведены нами выше на рис. 24.

Продолжая юкагирскую тему в обсуждении особенностей янских находок, нельзя обойти вниманием обычай нанесения заполняющего орнамента из зигзагообразных линий на кроильные доски (Иохельсон 2005: рис. 74). Аналогичным образом украшена поверхность большого ковша из бивня мамонта (рис. 18). В. А. Туголуков (1979), изучавший юкагирский фольклор и орнаменты, сообщает, что юкагиры называют такой орнамент «северное сияние».

Заключение

Уникальность Янского комплекса очевидна уже хотя бы потому, что это — древнейшее документированное свидетельство развитой символической деятельности на Северо-Востоке Азии и в северной полярной области земного шара. Это уникальный объект мирового культурного наследия. Находки из Янской стоянки позволяют говорить о высокой степени духовного и технологического развития населения севера Сибири в эпоху, предшествовавшую последнему ледниковому максимуму.

Полученный материал характеризует Янскую культуру как несомненно верхнепалеолитическую с заметным числом среднепалеолитических элементов в области обработки камня, что не является неожиданным для сибирских памятников. Таким образом, Янская стоянка представляет собой первый и пока единственный в Северо-Восточной Азии памятник раннего верхнего палеолита. Как и во всех других регионах, его существенной характеристикой является

расцвет индустрии производства костяных орудий. Этот уникальный памятник отличает высочайшая техника обработки бивня и кости, реализованная как в производстве функциональных изделий (форешафты, крупные костяные остря, шилья, иглы с ушком), так и в предметах неутилитарного назначения (обобщенная зооморфная скульптура, бивни с гравировкой, символические изображения). Зачастую трудно провести грань между утилитарной и символической функцией предмета и/или орнамента. Таковы сосуды из бивня монтажа и орнаментированные диадемы, браслеты.

Некоторые из предметов (богато орнаментированная посуда из бивня) уникальны для палеолита в целом, другие (бивень с сюжетной символической гравировкой и другие символические изображения) не были известны ранее в палеолите Сибири. Сложность и богатство орнаментации, использование в ней символических антропоморфных элементов ставят этот памятник в один ряд с выдающимися объектами археологии Евразии — такими, как Мальта, Буреть, Костенки, Пржедмость и другими.

На Янской стоянке открыта совершенная технология производства бус из бивня и кости, не имеющая полных аналогий в памятниках палеолита Северной Евразии. Благодаря янским находкам можно понять, что массовое производство данного вида личных украшений было характерно для верхнепалеолитической эпохи, и это были повседневные украшения, обновление и производство которых было вполне рутинным процессом. Комплекс этих украшений позволяет также по-новому оценить роль и значение красной охры в жизни древнего населения Евразии.

Подвески из зубов, встреченные на Янской стоянке в большом количестве, говорят о существовании региональных различий в поведении, связанном с их употреблением. Подавляющее большинство янских находок изготовлено из зубов травоядных, тогда как в восточноевропейских памятниках с той же целью использовались зубы хищных. Наконец, бытовые предметы показывают, что, весьма вероятно, уже в это время, 28 000 л. н., люди имели представления о личной собственности и закрепляли ее за собой, нанося на некоторые из предметов соответствующую маркировку, основанную на счете. Исполнение ряда трудовых операций требовало каких-то измерений, довольно точных, в связи с чем использовались простые измерительные инструменты.

Сложная орнаментация и иные свидетельства высоко развитой символической деятельности, а также ритуальной практики дают представление о высоком уровне духовной культуры обитателей Янской стоянки. Как представляется, отдельные изображения позволяют говорить о существовании в Восточной Сибири признаков развитого шаманского культа.

Более распространенные элементы вписывают Янскую культуру в общий контекст раннего верхнего палеолита Евразии. Ее корни, как представляется, могут быть найдены в областях Сибири, лежащих далеко к югу и юго-западу — на Верхнем Енисее и в Забайкалье. Чрезвычайно широкие пространственные и хронологические параллели между янскими находками и памятниками раннего верхнего палеолита Евразии, на наш взгляд, вряд ли являются следствием конвергентного развития. Подобные факты достаточно многочисленны для того, чтобы быть не случайным совпадением.

Памятники раннего верхнего палеолита Сибири немногочисленны и разнообразны технико-типологически, что, видимо, исключает возможность их объединения в единую археологическую культуру, однако развивались они на основе культурных традиций, ранее всего наблюдаемых в памятниках Алтая (Деревянко, Волков 2005). Ранние этапы этого процесса отмечены за пределами Северо-Востока Азии по немногочисленным памятникам Забайкалья, где исследователями по признакам технологии первичного расщепления выделены так называемая «пластинчатая» и «отщеповая» линии развития (Константинов 1994; Лбова 2000 и др.). В приенисейской области к ранним памятникам отщеповой традиции могут быть отнесены Куртак 4 (Лисицын 2000) и, в какой-то степени, нижний комплекс Усть-Ковы (Васильевский и др. 1988). Материалы из этих стоянок, также как и некоторых других, в целом могут быть сопоставлены с янскими, однако лишь в самом общем смысле. Янская стоянка занимает свое место в панораме этих памятников, являясь, вместе со многими другими, тем субстратом, на основе которого возникают впоследствии различные культуры заключительного этапа верхнего палеолита Сибири, прежде всего афонтовская.

Количество «совпадений», наблюдающихся в орнаментации, личных украшениях, искусстве памятников раннего верхнего палеолита Северной Евразии, на наш взгляд, уже превышает критическую массу. Они, безусловно, не случайны. В то же время, не идет речи о том, чтобы делать выводы о прямом взаимодействии групп населения далеко удаленных друг от друга территорий, для которых известны весьма точные аналогии. Тем не менее, они существуют, и этот факт отмечен А. А. Сеницыным в отношении пронизок со спиральным орнаментом из Костенок на Русской равнине и Денисовой пещеры на Алтае (Сеницын 2005), А. П. Деревянко и Е. П. Рыбиным для восьмеркообразных нашивных бляшек из Денисовой пещеры и Гайзенклостерле в юго-западной Германии (Деревянко, Рыбин 2003), а нами отмечено, что подвески типа Куртак или очень похожие на них изделия встречаются от низовьев Яны на севере до Забайкалья на юге и до Бельгии на западе. Столь же распространен в пределах Северной Евразии на разных этапах верхнего палеолита обычай ношения орнаментированных диадем из бивня мамонта, при этом орнаменты часто оказываются сходными. Среди них часто встречается, в частности, зигзаг. Чрезвычайно интересной чертой янской культуры раннего верхнего палеолита является практика охоты с форешафтом, встречающаяся, кроме Северо-Востока Азии, только в Новом Свете.

Специфической формой являются небольшие орнаментированные бивни мамонта, встречающиеся от Янской стоянки в Арктической Сибири до верхнепалеолитических памятников Моравии на западе. Памятники, в которых они найдены, разновременны, и тем удивительнее устойчивость бытования таких предметов/обычаев.

Столь же удивительно распространение впоследствии женских статуэток на пространстве от Бискайского залива до Байкальской Сибири (Mussi et al. 2000). Весьма интересно, что появление наиболее ранних из них совпадает с началом последней ледниковой эпохи (Сулержицкий 2004; Guthrie 2005). Общеизвестно также, что крайние восточные образцы живописи франко-кантабрийского стиля найдены на Урале.

Весьма неожиданным при изучении орнаментированных изделий и украшений из Янской стоянки оказалось заметное количество аналогий, обнаруживающихся в юкагирских материалах, относящихся уже к исторической современности. Среди них следует упомянуть, прежде всего, систему счета и орнаменты, имеющие смысловую нагрузку. Некоторые аналогии изображениям на бивне с рисунком можно усматривать в древнем пласте фольклора юкагиrow. Вопрос использования этнографических аналогий применительно к отдаленным эпохам развития человечества является, как известно, спорным, но в то же время имеется достаточно фактов, говорящих о том, что это возможно (Schuster, Carpenter 1996; Ravn 2011). Необходимо подчеркнуть, что, обсуждая эти аналогии, авторы не имеют стремления обозначить прямую связь между культурой юкагиrow и материалами Янской стоянки и между носителями обеих культур. Но эти аналогии существуют, также как и перечисленные выше. С нашей точки зрения, они имеют смысл в общем контексте этногенеза юкагиrow, глубокие исторические корни которых усматриваются этнографами, антропологами и лингвистами в области расселения селькупов, кетов, хантов и манси в Западной Сибири. Весьма удачный обзор этих данных приведен в работе М. А. Кирьяк (1993).

Несмотря на то что в большинстве перечисленных выше случаев речь не идет о полной археологической аналогии на уровне полного подобия предметов или орнаментов, во всех этих следах прошлой символической деятельности человека просматривается поведенческая аналогия, основанная на некоей общей системе представлений. По выражению Теда Карпентера (Schuster, Carpenter 1996), они служат связующими структурами («They are patterns that connect»). Эта общность культурной основы, от которой «отпочковались» различные культуры раннего верхнего палеолита и развивались далее независимо (или почти независимо) друг от друга, возникла в начальную эпоху расселения в пределах Северной Евразии анатомически современных людей. По генетическим данным, это время определяют в рамках 50 000–40 000 л. н. (Oppenheimer 2004), но следует иметь в виду, что это расчетное значение, приемлемое в качестве ориентира, остается условным до тех пор, пока оно не подкреплено реальными значениями возраста для соответствующих антропологических остатков. Для Западной Европы в настоящий момент древнейшие остатки анатомически современных людей датированы ~42 000–40 000 ¹⁴C л. н. (Benazzi et al. 2011), что довольно близко к значениям, рассчитанным Оппенгеймером.

Наличие общих корней у разных культур верхнего палеолита является, с нашей точки зрения, единственным разумным объяснением перечисленных и других «совпадений». Экспоненциально нарастающая после последнего ледникового максимума этнолингвистическая дифференциация все сильнее и сильнее затрудняла узнаваемость элементов древней основы единого культурного контекста Северной Евразии в эпоху раннего верхнего палеолита.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект 1.11) при частичной поддержке РФФИ (проект 11–06–12018–офи-м-2011). Авторы считают своим долгом выразить признательность руководству Программы за оказанную поддержку, а также поблагодарить всех, кто принимал

участие в очень непростых полевых работах на Янской стоянке, участвовал в обсуждении и обработке материалов. Осуществление значительной части проделанной работы было бы невозможным без многолетней ее поддержки в рамках проекта «Жохов 2000» фондом Rock Foundation (Нью-Йорк, США). Отдельная благодарность А. О. Машезерской (графика), П. И. Иванову (фото-работы), В. Я. Стеганцевой (обработка изображений). Специальная благодарность А. О. Машезерской за идею и экспериментальную проверку действия «палеорепеллентов».

Литература

- Абрамова З. А. 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР. М., Л.: Изд-во АН СССР.
- Абрамова З. А. 1989. Палеолит Северной Азии // Борисковский П. И. (ред.). Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 144–243.
- Абрамова З. А. 2003–2004. Каталог изображений мамонта в европейском палеолитическом искусстве малых форм // SP 1, 23–67.
- Абрамова З. А. 2005. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб.: Европейский Дом.
- Адовазисо Дж. М., Соффер О., Хиланд Д. С., Иллингворт Дж. С., Клима Б., Свобода И. 2001. Производство изделий из недолговечных материалов в Дольни Вистонице I: новый взгляд на природу и происхождение граветта // АЭАЕ 2, 48–65.
- Аникович М. В. 2003. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // АЭАЕ 2, 15–29.
- Аникович М. В. 2005. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Деревянко А. П. (ред.). Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 79–93.
- Аникович М. В. 2007. Пути становления верхнего палеолита Восточной Европы и Горного Алтая // АЭАЕ 1, 2–15.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История.
- Астахов С. Н. 1999. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб.: Европейский Дом.
- Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П. 1932. Материалы по изучению палеолитических индустрий и условия их нахождения на стоянке Афонтова Гора II // Труды Комиссии по изучению Четвертичного периода 1, 45–114.
- Бадер О. Н. 1998. Сунгирь. Палеолитические погребения // Бадер Н. О., Лаврушин Ю. А. (ред.). Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.: Научный Мир, 5–164.
- Березкин Ю. Е. 2007. Мифы заселяют Америку (ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет). М.: О.Г.И.
- Бродянский Д. Л. 2003. Мужские календари из второго Бойсманского могильника (Приморье) // Алексеев А. Н. (ред.). Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 143–149.
- Букалов А. В. 1999. Феномен структурирования психоинформационного пространства: иерархия объемов человеческого внимания, памяти и мышления // Соционика, ментология и психология личности 2, 3–11.
- Бурькин А. А. 2007. Шаманы: те, кому служат духи. СПб.: Азбука.

- Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.* 1988. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука.
- Верещагин Н. К.* 1977. Берелехское «кладбище» мамонтов // Труды ЗИН 72, 5–50.
- Вишняцкий Л. Б.* 2010. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История.
- Волков Р. Б., Широков В. Н., Улитко А. И.* 2007. Изделия из кости, бивня и рога с верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек // РА 4, 102–106.
- Гаккель Я. Я.* (ред.). 1967. Новосибирские острова. Л.: Гидрометеоздат.
- Герасимов М. М.* 1931. Мальта. Палеолитическая стоянка. Иркутск: Б. и.
- Григорьева Г. В.* 2003–2004. Планиграфия бус-нашивок верхнепалеолитического поселения Юдиново // SP 1, 467–481.
- Дворянинов С. А.* 2006. Редчайшая календарная запись ломаными наконечниками стрел // Лебединцев А. И. (ред.). IV Диковские чтения. Материалы научно-практической конференции. Магадан: СВКНИИ СВНЦ ДВО РАН, 96–97.
- Деревянко А. П., Волков П. В.* 2005. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на горном Алтае // Деревянко А. П. (ред.). Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 217–231.
- Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Мащенко Е. Н.* 2003. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Деревянко А. П., Рыбин Е. П.* 2003. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // АЭАЕ 3, 27–50.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В.* 2004. Формирование верхнепалеолитических традиций в горном Алтае // АЭАЕ 3, 12–40.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А.* 2003. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Диков Н. Н.* 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука.
- Диков Н. Н.* 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука.
- Жеребина Т.* 2009. Сибирский шаманизм. СПб.: Амфора.
- Житенев В. С.* 2007. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Леонова Н. Б. (ред.). Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 40–61.
- Жукова Л. Н.* 1988. Образ человека в пиктографическом письме юкагиров // Язык, миф, культура народов Сибири. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 126–147.
- Иванов С. В.* 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Иванов С. В.* 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Иванов С. В.* 1970. Скульптура народов Севера Сибири. Л.: Наука.
- Иохельсон В. И.* 2005. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука.
- Кирьяк М. А.* 1993. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука.
- Кинд Н. В.* 1974. Геология позднего антропогена по изотопным данным. М.: Наука.
- Кимура Х.* 2003. Индустрия пластин стоянки Мальта // АЭАЕ 1, 11–32.
- Константинов М. В.* 1994. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Читинского педагогического ин-та.

- Корабельников Д. В., Москвин А. Ю.* 2004. К вопросу о культе водоплавающей птицы на Евразийском Северо-Западе (к двум новым находкам волосовской мелкой пластики из Нижегородской области). Н/Новгород: Б. и.
- Ларичев В. Е.* 2003. Преждевременное открытие (к началу изучения древнекаменного века Сибири) // Алексеев А. Н. (ред.). Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 162–186.
- Лбова Л. В.* 2000. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Лисицын Н. Ф.* 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Малори Ж.* 2002. Последние короли Туле. С полярными эскимосами навстречу их судьбе. СПб.: Петрополис.
- Напольских В. В.* 1991. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. М.: ИЭА.
- Окладников А. П.* 1940. Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре // СА 5, 290–293.
- Питулько В. В.* 2006. Культурная хронология каменного века Северо-Востока Азии // Головнев А. В. (ред.). II Северный Археологический Конгресс. Доклады. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 306–323.
- Питулько В. В.* 2008а. Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // АЭАЕ 2, 26–33.
- Питулько В. В.* 2008–2009. О ловле мамонтов и не только // SP 1, 288–299.
- Питулько В. В.* 2010а. Расселение и адаптации древнего человека на Северо-Востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Деревянко А. П., Куделин А. Б., Тишков В. А. (ред.). Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 38–46.
- Питулько В. В.* 2010б. Мегафауна и микропластинки (микропластинчатые традиции позднего палеолита Сибири в контексте проблемы вымирания мамонтов) // Записки ИИМК РАН 5, 90–104.
- Питулько В. В.* 2011. Археологическая составляющая Берелехского комплекса // Записки ИИМК РАН 6, 85–103.
- Питулько В. В., Иванова В. В.* 2010. Производство и применение красного минерального красителя на палеолитической Янской стоянке (Восточная Якутия) // Головнев А. В. (ред.). III Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 46–47.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* 2007. Возраст памятников палеолита Яно-Индибирской низменности и особенности радиоуглеродного датирования отложений ледового комплекса // Зайцева Г. И., Кулькова М. И. (ред.). Радиоуглерод в археологических и палеонтологических исследованиях. СПб.: ТЕЗА, 155–161.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* 2010. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб.: Наука.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Басилян А. Э., Крицук С. Г.* 2011. Особенности вертикального распределения вещества в краевых областях мерзлотных полигонов и его значение для датирования четвертичных отложений криолитозоны // Корсакова О. П., Колька В. В. (ред.). Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших

- исследований. Т. 2. Апатиты; СПб.: Четвертичная комиссия РАН и Геологический институт Кольского научного центра РАН, 149–153.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В. 2012а. Символическая деятельность верхнепалеолитического населения Арктической Сибири (бусы и подвески Янской стоянки) // Деревянко А. П., Куделин А. Б., Тишков В. А. (ред.). Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: РОССПЭН, 35–51.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В., Гиря Е. Ю. 2012б. Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000–2005 гг.) // SP 1, 211–256.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Кузьмина С. А., Никольский П. А., Басилян А. Э., Тумской В. Е., Анисимов М. А. 2007. Природно-климатические изменения на Яно-Индибирской низменности в конце каргинского времени и условия обитания людей верхнего палеолита на Севере Восточной Сибири // ДАН 417(1), 103–108.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Кузьмина С. А., Никольский П. А., Басилян А. Э., Анисимов М. А. 2012в. Ландшафтно-климатические изменения в районе Янской палеолитической стоянки в позднем неоплейстоцене-голоцене на западной части Яно-Индибирской низменности // Вестник СВНЦ СО РАН 2, 11–30.
- Прието А., Карденас Р. А. 2008–2009. Мальтинская пластинка из бивня: технологический чертеж эпохи палеолита // SP 1, 334–336.
- Рогачев А. Н., Праслов Н. Д. (ред.). 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука.
- Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А. 2007. Возникновение и развитие «отщеповых» индустрий ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии // Медведев Г. И. (ред.). Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология. Т. 2. Иркутск: Оттиск, 137–153.
- Семенов С. А. 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука.
- Синицын А. А. 2005. Стилистический аспект анализа. Кремневый инвентарь, орнаменты, нательные украшения // Деревянко А. П., Шуньков М. В. (ред.). Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск: ИААЭТ СО РАН, 172–178.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). 1997. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН.
- Скопылатов И. А., Ефремов О. Ю. 2000. Управление персоналом. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Слободин С. Б. 1999. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ СВНЦ ДВО РАН.
- Степанова М. В. 1949. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ // Сборник МАЭ XI, 62–72.
- Сулержицкий Л. Д. 2004. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА 3, 103–112.
- Ташак В. И. 2005. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Ташак В. И. 2009. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН 4, 50–62.
- Томирдиаро С. В., Черненький Б. И. 1987. Криогенно-эоловые отложения Восточной Арктики и Субарктики. М.: Наука.
- Туголуков В. А. 1979. Кто вы, юкагиры? М.: Наука.

- Федосеева С. А. 1980. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука.
- Федосеева С. А. 1992. Диринг-Юряхский могильник // Мочанов Ю. А. (ред.). Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 84–105.
- Фролов Б. А. 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука.
- Хлопачев Г. А. 2006. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука.
- Цетлин Ю. Б. 2004. Предметная изобразительная деятельность древнего человека: ее природа и содержание // РА 2, 87–95.
- Шаргородский С. М. 1895. Объяюагирскихъ письманахъ. Съ таблицею рисунковъ // Землеведение, кн. II и III, 135–182.
- Энгельс Ф. 1961. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20.
- Abramova Z. A. 1995. L'art Paléolithique d'Europe Orientale et de Sibérie. Grenoble: Gêrôme Millon Editions.
- Adovasio J. M., Soffer O., Klima B. 1996. Upper Paleolithic fiber technology: interlaced woven finds from Pavlov I, Czech Republic, c. 26,000 years ago // *Antiquity* 70, 526–534.
- Anikovich M. V., Sinitsyn A. A., Hoffecker J. F., Holliday V. T., Popov V. V., Lisitsyn S. N., Forman S. L., Levkovskaya G. M., Pospelova G. A., Kuz'mina I. E., Burova N. D., Goldberg P., Macphail R. I., Giaccio B., Praslov N. D. 2007. Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and Implications for the Dispersal of Modern Humans // *Science* 315, 253–226.
- Banks W. E., d'Errico F., Peterson A. T., Vanhaeren M., Kageyama M., Sepulchre P., Ramstein G., Jost A., Lunt D. 2007. Human ecological niches and ranges during the LGM in Europe derived from an application of eco-cultural niche modeling // *JAS* 35, 481–491.
- Barth F. 1969. *Ethnic Groups and Boundaries*. London.
- Bar-Yosef O., Kuhn S. L. 1999. The big deal about blades: laminar technologies and human evolution // *AAn* 101, 322–338.
- Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolsky P. A., Pitulko V. V. 2011. Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // *JAS* 38, 2461–2474.
- Benazzi S., Douka K., Fornai C., Bauer C. C., Kullmer O., Svoboda J., Pap I., Mallegni F., Bayle P., Coquerelle M., Condemi S., Ronchitelli A., Harvati K., Weber G. W. 2011. Early dispersal of modern humans in Europe and implications for Neanderthal behaviour // *Nature* 479, 525–529.
- Bradley B. 1995. Clovis Ivory and Bone Tools // Hahn J., Menu M., Taborin Y., Walter P., Widemann F. (dir.). *Le Travail et l'usage de l'ivoire au Paleolithique superieur*. Ravello: Centro Universitario Europeo per I Bene Culturali, 114–125.
- Bradley B., Stanford D. 2004. The North-Atlantic ice-edge corridor: a possible Paleolithic route to the New World // *WA* 36, 459–478.
- Clottes J. 2000. Art between 30 000 and 20 000 bp // Roebrocks W., Mussi M., Svoboda J., Fennema K. (eds.). *Hunters of the Golden Age*. Leiden: University of Leiden, 87–103.
- D'Errico F., Borgia V., Ronchitelli A. 2011. Uluzzian bone technology and its implications for the origin of behavioral modernity // *Quaternary International* 259, 59–71.
- Dowson T., Porr M. 2001. Special objects — special creatures: shamanistic imagery and Aurignacian art of south-west Germany // Price N. (ed.). *The Archaeology of Shamanism*. London — New York: Routledge, 165–177.
- Dunbar J., Webb S., Cring D. 1989. Culturally and naturally modified bones from a Paleoindian site in the Aucilla River, North Florida // Bonnichsen R., Sorg M. (eds.). *Bone Modification*. Orono: Maine University Press, 473–497.

- Eren M. I., Greenspan A., Garth Sampson C.* 2008. Are Upper Paleolithic blade cores more productive than Middle Paleolithic discoidal cores? A replication experiment // *JHE* 55, 952–961.
- Fitzhugh W. W., Kaplan S. A.* 1982. *Inua. Spirit World of the Bering Sea Eskimo*. Washington, D.C.: Smithsonian Press.
- Goebel T.* 2002. The “Microblade Adaptation” and recolonization of Siberia during the late Upper Pleistocene // *Elston R. G., Kuhn S. L. (eds.)*. *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. Arlington: American Anthropological Association, 117–131.
- Gvozdover M.* 1995. *Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo (Oxbow Monograph 49)*. Oxford: Oxbow Books.
- Guthrie R. D.* 2005. *The Nature of Paleolithic Art*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hiscock P., Clarkson C., Mackay A.* 2011. Big debates over little tools: ongoing disputes over microliths on three continents // *WA* 43, 653–664.
- Jacobi R. M., Higham T. F. G., Haesaerts P., Jadin I., Basell L. S.* 2010. Radiocarbon chronology for the Early Gravettian of northern Europe: new AMS determinations for Maisières-Canal, Belgium // *Antiquity* 84, 26–40.
- Khlobystin L. P.* 2005. *Taimyr: The Archaeology of Northernmost Eurasia (Contributions to Circumpolar Anthropology 5)*. Washington, DC: NMNH.
- Klima B.* 1988. Nejstrší moravská mapa // *Frolec V. (ed.)*. *Rodná země*. Brno: Muzejní a vlastivědná spol., 110–121.
- Lupo K. D., Schmitt D. N.* 2002. Upper Paleolithic net-hunting, small prey exploitation, and women’s work effort: a view from the ethnographic and ethnoarchaeological record of the Congo Basin // *JAMT* 9, 147–179.
- Marshak A.* 1972. *The Roots of Civilization*. New York: McGraw-Hill Book Company.
- Medvedev G. I.* 1998. Art from Central Siberian Palaeolithic sites // *Derevianko A. P. (ed.)*. *The Paleolithic of Siberia*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 132–137.
- Miller G. A.* 1956. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information // *Psychological Review* 3, 81–97.
- Mussi M., Cinq-Mars J., Bolduc P.* 2000. Echoes from the mammoth steppe: the case of the Balzi Rossi // *Roebroeks W., Mussi M., Svoboda J., Fennema K. (eds.)*. *Hunters of the Golden Age*. Leiden: University of Leiden, 105–123.
- Nikolskiy P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V.* 2011. Last straw versus Blitzkrieg overkill: Climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the Late Pleistocene extinction problem // *QSR* 30, 2309–2328.
- Onaratini G., Combier J.* 1998. Les Gravettiens de la Bourgogne à la Méditerranée Relations avec le Gravettien Oriental // *Амирханов Х. А. (ред.)*. *Восточный граветт*. М.: Научный мир, 90–124.
- Oppenheimer S.* 2004. *Out of Eden. The Peopling of the World*. London: Robinson.
- Palma di Cesnola A.* 1989. L’Uluzzien: facies italien du leptolithique archaïque // *L’Anthropologie* 93, 783–812.
- Pavlov P., Svendsen J. I., Indrelid S.* 2001. Human presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago // *Nature* 413, 64–67.
- Pitulko V. V.* 2011. The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia // *Geoarchaeology* 26, 5–32.
- Pitulko V. V., Nikolskiy P. A.* 2012. Extinction of woolly mammoth in Northeastern Asia and the archaeological record // *WA* 44, 21–42.
- Pitulko V. V., Nikolskiy P. A., Giryа E. Yu., Basilyan A. E., Tumskoy V. E., Kulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Yu., Anisimov M. A.* 2004. Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // *Science* 303, 52–56.

- Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Basilyan A. E., Pavlova E. Yu.* 2011. Dating mass accumulations of mammoth across Arctic Eurasia // Корсакова О. П., Колька В. В. (ред.). Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Т. 2. Апатиты; СПб.: Четвертичная комиссия РАН и Геологический институт Кольского научного центра РАН, 146–149.
- Ravn M.* 2011. Ethnographic analogy from the Pacific: just as analogical as any other analogy // *WA* 43, 716–725.
- Reich D., Green R. E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E. Y., Viola B., Briggs A. W., Stenze U., Johnson Philip L. F., Maricic T., Good J. M., Marques-Bonet T., Alkan C., Qiaomei Fu, Mallick S., Heng Li, Meyer M., Eichler E. E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Hublin J. J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S.* 2010. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature* 468, 153–1060.
- Sitlivy V., Medvedev G. I., Lipnina E. A.* 1997. Le Paleolithique de la Rive Occidentale du Lac Baikal // *Les civilisations préhistoriques d'Asie Centrale* 1, 1–86.
- Smith P. E.* 1966. *Le Solutrean en France*. Bordeaux: l'Université de Bordeaux.
- Schuster C., Carpenter E.* 1996. *Patterns that Connect*. H. N. New York: Abrams Publishers.
- Svendsen J. I., Pavlov P.* 2003. Mamontovaya Kurya: an enigmatic, nearly 40 000 years old Paleolithic site in the Russian Arctic // Zilhão J., d'Errico F. (eds.). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes*. Lisboa: UISPP, 109–120.
- Svoboda J., Ložek V., Vlček E.* 1996. *Hunters between East and West. The Paleolithic of Moravia*. New York and London: Plenum Press.
- Taborin Y.* 2004. *Langage sans parole*. Paris.
- Tinoco J.* 1982. Dietary requirements and functions of α -linolenic acid in animals // *Progress in Lipid Research* 21, 11–45.
- Vanhaeren M., d'Errico F.* 2006. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments // *JAS* 33, 1105–1128.
- Villa P., d'Errico F.* 2001. Bone and ivory points in the Lower and Middle Paleolithic of Europe // *JHE* 41, 69–112.
- Ward D.* 1968. *The Divine Twins*. University of California Press: Berkeley and Los Angeles.
- Wadley L.* 2010. Were snares and traps used in the Middle Stone Age and does it matter? A review and a case study from Sibudu, South Africa // *JHE* 58, 179–192.
- White R.* 1989. Production Complexity and Standardization in Early Aurignacian Bead and Pendant Manufacture: Evolutionary Implications // Mellars P., Stringer C. (eds.). *The Human Revolution: Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 366–390.
- White R.* 1995. Ivory personal ornaments of Aurignacian age: technological, social, and symbolic perspective // Hahn J., Menu M., Taborin Y., Walter P., Widemann F. (dir.). *Le Travail et l'usage de l'ivoire au Paleolithique superieur*. Ravello: Centro Universitario Europeo per I Bene Culturali, 29–62.
- White R.* 1997. Intégrer la complexité sociale et opérationnelle: la construction matérielle d'identité sociale à Sungir // Camps-Fabrer H. (ed.). *Préhistoire d'os*. Provence: L'Université de Provence, 319–333.
- Wygall B. T.* 2011. The microblade/non-microblade dichotomy: climatic implications, toolkit variability, and the role of tiny tools in Eastern Beringia // Goebel T., Buvit I. (eds.). *From the Yenisei to the Yukon. Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*. College Station: Texas A&M University Press.
- Zilhão J.* 2007. The Emergence of Ornaments and Art: An Archaeological Perspective of the Origins of «Behavioral Modernity» // *JAR* 15, 1–54.